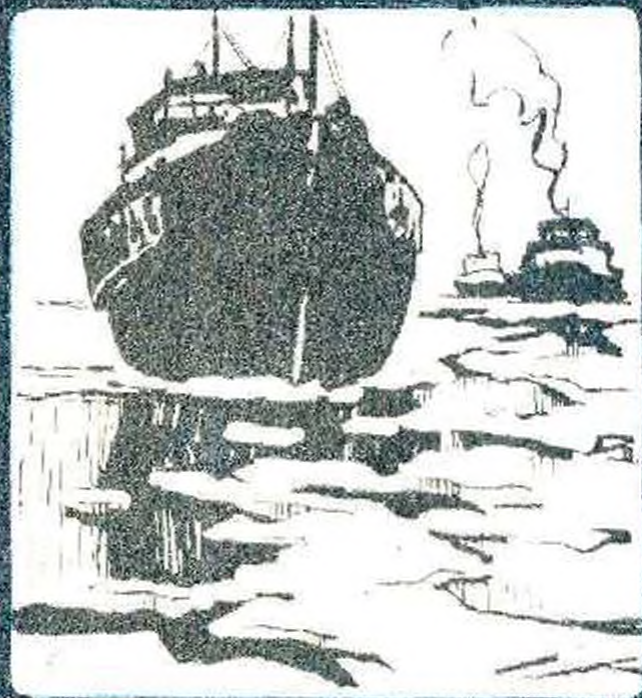

БИБЛИОТЕКА ПЕРВОСТЕПЕНА И ПЕРИОДИКА

— Г. Н. СОЛОДНИКОВ —
**ЛЕДОВЫЙ
ПРЕМС**

БИБЛИОТЕКА
**ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ**

Выпуск 24

Г. Н. Солодников

ЛЕДОВЫЙ РЕЙС

1965

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Нет, все это происходит не в Ледовитом океане, а на речном водохранилище. В конце апреля суда Камского пароходства вышли в традиционный рейс — северный завоз.

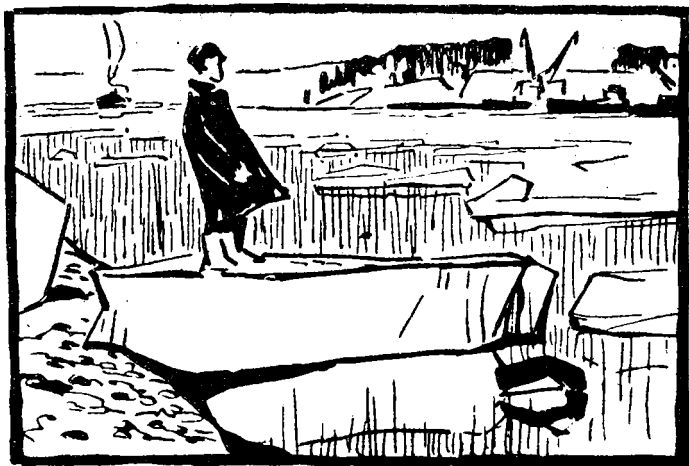
Рулевой Саня впервые попал в такое необычное плавание. Он сначала был недоволен, что придется провести всю навигацию на небольшом суденышке. Но каждый день рейса для Сани становится маленьким открытием. Знакомство с членами команды, встречи с интересными людьми на далекой Весляне заставляют Саню по-другому посмотреть на судно, на своих товарищей, на жизнь. Об этом и рассказывается в повести «Ледовый рейс».

Автор ее Геннадий Николаевич Солодников родился в 1933 году в поселке Павловский Пермской области.

В 1952 году он окончил Пермское речное училище. Служил на гидрографическом судне на Балтике, работал на Каме в изыскательских партиях и на землечерпалке, заведовал гидротехническим кабинетом в речном училище, был секретарем райкома комсомола. С 1957 года — журналист. В 1961 году заочно окончил редакторский факультет Московского полиграфического института.

Г. Солодников начиная с 1958 года участвовал в шести коллективных очерковых сборниках Пермского книжного издательства, печатался в журнале «Уральский следопыт». Один его очерк издан отдельной брошюрой. Рассказы публиковались в журнале «Урал», в сборниках «Молодой человек», «Нашим ребятам», «Ни зорьке». «Ледовый рейс» — первая книга Г. Солодникова.

Художник В. И. Мотовилова

□ НОВЫЙ РУЛЕВОЙ

Саня проснулся от шума и холода. Уголь в чугунной печке-камельке прогорел, и тепло из кубрика выдуло быстро.

С Камского моря шли волны — одна за другой. Поднималось и опускалось возле борта ледяное месиво, надоедливо скребло по металлу. Плескал по палубе дождь. Судно скрипело, потрескивало. Его часто бросало на стоящий рядом плавучий кран, сильно ударяло, и тогда от кормы до носа прокатывался грохот. Налетал порыв ветра, вздымалась волна: а-а-ах! у-у-ух!

Наверху сейчас пусто, мокро, темень. Лишь пляшут на маслянистой воде отблески редких огней, что горят у соседних судов на верхушках мачт.

Сане никогда не приходилось попадать в такой шторм

в последних числах апреля, когда на воде кругом еще полно льда. И странно представить: где треплет судно! В самом порту, в Левшино, неподалеку от плотины Камской гидроэлектростанции.

Вот опять накатила волна. Загрохотали железные крышки трюма, рифленые, как стиральная доска. Вверх — вниз. А-а-ах! У-у-ух!

Как это было давно... Дом. Кухня вся в клубах пара. Он, совсем маленький, путается у матери под ногами. А она, покрасневшая, с закатанными по плечи рукавами, сильно трет белье на большущей рубчатой доске, гремит закопченным корытом...

Дома в постели тепло, уютно. А здесь... Пахнет углем и краской. Даже повернуться нельзя: стенки мажутся. Только сегодня утром выкрашено в кубрике.

Саня лежит одетый на голом матрасе, накрывшись тонким одеялом. Холодно. От этого первая ночь на судне кажется еще дольше, еще тоскливее.

Он приехал в Пермь из Казани поездом. Дальше с трудом добирался в битком набитом автобусе через поселок Камгэс. В Заозерском затоне появился теплым солнечным днем. Ослепительно сверкал лед. Повсюду на берегу слышалась разноголосица ручьев. Они шептали по глинистым откосам, ворковали под пластами снега, сердито ворчали, падая с леденистых обрывов. Волнующе пахло размытой землей и талым снегом. Из цехов ремонтно-эксплуатационной базы доносился звон металла и рокот станков. Густо тянуло мазутом. Словно пробуя после зимней спячки голоса, бодро перекликались винтовые буксирные пароходы. Они уже разворотили лед вокруг себя и стояли возле самого берега, поблескивая черными корпусами и ярко-охряными рубками.

Кое-где на их палубах сновали шустрые затонские ребяташки. Они приплясывали на гибких трапах, толклись на террасе, которую образовал вдоль берега осев-

ший лед. Голубые изломы его сочились каплями и падали под ногами на тончайшие серебристые стрелки.

Саня долго смотрел на выстроившиеся нос к носу большие грузовые теплоходы. Белые, с высокими, в несколько этажей, кормовыми надстройками, они походили на океанские лайнеры. Ему захотелось подойти к ним поближе, и он спустился на лед.

Высоко над затоном висело солнце, и все сверкало вокруг. Снизу, ото льда доносился еле уловимый шорох. Саня прислушался, нагнулся и понял: это крошились, оседали под лучами мельчайшие кристаллики, просачивались сквозь кружево подтаявшего снега чуть заметные капли.

Саня совсем оправился от беспокойной долгой дороги и повеселел. Он почему-то был уверен, что для него эта вторая в жизни навигация начнется хорошо. Наверняка его назначат вот на такой крутобортый теплоход. И он будет целое лето ходить на нем по Камскому морю, сейчас еще лежащему подо льдом между синеющими вдали лесистыми берегами. После первого курса ему ведь тоже повезло — был на «Богатыре». Сверкающий медью и никелем белоснежный волжский пароход! Веселые пассажиры в классных каютах, зеркальные салоны, ковры, музыка...

Но когда он пришел в отдел кадров затона, все рухнуло. Как ни просил — не послушали. Послали рулевым на какую-то прелую галошу. Друзьям стыдно написать: засмеют.

Он на эти суденышки вначале даже не обратил внимания. Уж очень жалко они выглядели: маленькие, разнотипные, с некрашеными надстройками. Грузоподъемность у них мизерная: от 150 до 250 тонн. Они даже и названий не имеют, лишь буквы «СТ» и номера. Официально это сухогрузные транспорты, иначе — самоходные баржи, или, попросту, самоходки.

Лежа в холодном кубрике, Саня опять представил себе ночной порт и затерявшуюся среди огромных доверху груженных барж — «румынок» свою посудину — СТ-250. Палубы у нее почти нет, только узкие проходы вдоль бортов. Все занимает трюм, прикрытый горбатыми крышками. Над ними сиротливо торчат два тамбура, ведущие вниз, в жилые кубрики. И лишь на самой корме, над машинным отделением, небольшая надстройка. В ней низкие каюты капитана, механика и штурмана. Над надстройкой прилепилась тесная рубка-скворечник. Вот и все судно.

Ребята из команды сегодня радостно суетились весь день. Шла погрузка. «Вира! Майна!» — орали портовики. Попыхивал, будто отфыркивался, плавающий паровой кран. Поднималась и снова плюхалась вниз грузовая площадка. Все белые, грузчики специальными захватками, похожими на кошачьи лапки, растаскивали по трюму мешки с мукой. Капитан и штурман бегали в диспетчерскую, ругались, придирчиво считали мешки, хлопали Санию по плечу: «На Весляну, парень, идешь, в ледовый поход. Повезло!» А что ему до Весляны. Тоже, река... Говорят, лишь в половодье и глубоко-то в ней.

И как это отец всю жизнь провел на своем катеришке? И в последние годы — все в агентстве малых рек. Вечно мелкосидящие баржонки водил, пыльные, грязные, груженные то цементом, то гравием, то углем... Нет, Саня не на это рассчитывает. Отец — хошь не хошь, грамота малая — ходил все в одной должности — рулевой-моторист. А он не для того учится...

Правда, сейчас-то уж ничего не поделаешь. Да и подработать надо: зимой на одну стипендию трудновато. Костюм бы неплохо на лично заработанные купить, привезти подарки отцу с матерью.

Команда здесь небольшая. Стоять вахты придется на две смены, по шесть часов через шесть. Значит, будут

платить за недостающего. Ради этого можно потерпеть четыре месяца...

Не спит Саня, ворочается под холодным одеялом. А дождь сечет и сечет палубу, судно вздрагивает на волне, скрипит тяжко.

□ ХЛЕБ И УГОЛЬ

Уже полдень, а дождь все льет и льет. Саня слоняется без дела: не заставляют, да и желанья нет. Утром, перед уходом в Заозерье, закупили в плавучей лавке продуктов. Пришлось носить. Приволокли четверть бараньей туши. Да еще набрали говяжьей тушенки.

Непонятно Сане: куда такой запас? Ну да не его это забота...

Он только было хотел проскользнуть в рубку. Там сухо, светло. Хорошо посидеть одному. И, как нарочно, Анатолий, штурман, остановил:

— Давай-ка, Саня-практикант, сбегай за хлебом.

Саня глянул на раскиший глинистый берег, прикинул расстояние до магазина: не близко.

— Сколько?

— Тридцать.

— Чего?! — растерялся Саня.

— Ясно: буханок.

— Куда их? На пристанях купить можно. — А сам подумал: «Разыгрывает».

— До самого Тюлькино никаких пристаней. Ночевать будем где придется. А вдруг тяжелая ледовая об-

становка? Вон в прошлом году больше недели караван стоял... Деревенька на берегу небольшая, какой там хлеб. А ты: пристани.

Анатолий засмеялся, но вспомнил, что парень на Каме впервые, заговорил помягче:

— Может, и не тридцать, а двадцать пять надо. — Наморщился озабоченно. — Вот только мешка никакого. И дождь... Ты вот что, возьми на камбузе со стола клеенку. И держи-ка мой дождевик. Завернешь в клеенку, потом в него, рукава свяжешь и — на плечо. Два раза, парень, придется... Ну, потом высушишься.

А Саня и вымок, и вывозился в глине. Во второй раз шел, поскользнулся и съехал по откосу. Ладно хоть никто не видел. Ну и работенка!..

Наконец-то можно посидеть в рубке, покурить не спеша.

Сане хорошо видны штурман и механик Виктор. Они носят ведрами машинное масло со списанной самоходки, к которой причалена СТ-250. Оба в суконных кителях, похожих на кожанки, — до того залоснились — и вода их, видно, не берет, скатывается. Анатолий — невысокий, тщедушный, пацан пацаном. Он в сапогах и кепке-восьмиклинке с куцым козырьком. Виктор — маленький, кругленький. Брюки на коленях вздулись пузырями. На голове беретик с задорным хвостиком, из-под берета выбился такой же тоненький и несерьезный чубчик. Смешной этот Виктор. Шеи почти нет: плечи и сразу — голова. Из-под полосатого тельника чуть не до самого кадыка волосы курчавятся.

Оба они какие-то невзрачные. Лица хмурые. Перепачканная одежда. Ходят, как заведенные, по скользкой полоске палубы, носят полнущие ведра, сплескивают масло.

А тут еще рядом эта жалкая развалина-самоходка. Гулкий трюм, заколоченные двери. Выбитые иллюмина-

торы, как пустые глазницы. От всего веет запустением, разором. Тоска.

Зря, видно, он, Саня, послушался отца. Вдруг после окончания попадет на такую посудину. Ну чего он не видывал здесь?

Отец, когда Саня заканчивал восьмилетку, советовал одно: Казанский речной техникум. А Сане не очень хотелось туда — отнекивался. Сам тоже не придумал ничего. Так и пробегал без дела до поздней осени. Шестнадцать исполнилось, отец устроил учеником слесаря в небольшие мастерские, тут же, в затоне под Казанью. Конечно, не понравилось Сане: место чересчур тихое, работа мелкая. На следующее лето поступил все-таки в речной техникум...

Смотрит Саня на сырой, пасмурный мир. Идет по берегу Юрий, их капитан. Ну и вид у него! А ведь еще молодой, под тридцать. Речное училище в Перми окончил. И не подумаешь, что капитан. Шкипер с баржигулярки или сплавщик-работяга. Дождевик брезентовый до пят, чуть выглядывают резиновые сапоги. На голове простенькая кепка шерстяная. Надвинул ее на лоб — глаз не видно. Насупленный...

Юрий и вправду шел злой. В электроцехе до сих пор не зарядили аккумуляторы. Утром вдруг получают приказ выходить — что, весь караван ждать будет одного?

Еще с пригорка увидел Виктора с Анатолием, потеплело на душе. Не отдохали, наверное, еще. Торопятся запастись всем вовремя, не знают, что электроцех подножку подставил... Хорошие все-таки у него помощники, заботливые, все делают без подсказки. Отличные товарищи. Лишь с середины прошлой навигации плавают с ними, а как сдружились.

Виктор, тот чем хорош: заскучать не даст. Из той породы, про которых говорят: хлебом не корми — «потравить» дай. Чуть закиснут друзья, Виктор раз — и исто-

рийку флотскую. И откуда он их берет? На каждое судно, на котором он плавал, у него придумано свое название. И все неспроста. СТ-250 он называет любовно и ласково: «четвертинка». Но парень толковый, к дисциплине приученный.

А «четвертинка» у них ничего. Юрий не жалуется. Доброе суденышко, ходкое. И надстройка аккуратная, по длине судна. Не то, что на некоторых: нагромоздят... Вот покрасят надстройку, тент, шлюпку, подведут полосу на трубе, вывесят спасательные круги...

Юрий окинул взглядом свою СТ-250 с кормы до носа и прошел по трапу на борт списанной самоходки, остановился посреди палубы. Он помнил это судно живым, бойким. Когда-то оно трудилось наравне со всеми, бегало по реке. Да вдруг отказало вконец разношенное сердце-двигатель, пришел в негодность корпус. И поставили старушку сюда вместо склада, а потом разрежут автогеном и — в переплавку.

Как быстро мелькают годы. Давно ли он пришел на эту старую самоходку молодым штурманом. Два года ходил на ней. Тогда еще и Камского моря не было, готовились только заполнять.

«Десять лет пролетело. Не заметишь, как и самого спишут, — подумал капитан и улыбнулся своим преждевременным «старческим» мыслям.— Вон практикант. Рослый здоровяк, живет, радуется... Неустоявшийся, правда, какой-то. Ходит — и то вихляется. И работать не торопится. Засел в рубку...»

— Эй, практикант, — нахмурился Юрий, — кончай перекур. Иди-ка на камбуз. Мясо изрубить надо да в ларь сложить, где похолодней. Кокша покажет... — И, легко перепрыгнув на свое судно, пошел по узкой бортовой кромке-планширю, не придерживаясь за леер.

Называть пожилую женщину поварихой — грубовато и не по-флотски. Коком — тоже как-то неподходяще. Вот

и зовут на речных судах женщин-поваров чаще всего кокшами. К ней и отправился Саня выполнять распоряжение капитана.

Дело непривычное. Топор тупой, мокрое топорщице неприятно скользит в руках, палуба пружинит. Во все стороны брызжет мясная липкая крошка. Раз топором — в одно место. Раз — в другое. Брызги в лицо летят. Фу! А кокша стоит посмеивается: дескать, что ты за мужик.

К вечеру похолодало. Пошел снег, лохматыми большими хлопьями. Саня хотел уже спуститься в кубрик да растопить камелек. Опять не пришлось. Объявили аврал. Причалили к барже-углярке и всей командой стали носить ведрами уголь.

Вместе со всеми нехотя носил полупудовые ведра и Саня. Стыли руки, скользили по металлу ботинки. А он ходил и ходил по горбатым крышкам трюма, оставляя на рыхлом белом снегу черные следы.

□ ВЫХОД КАРАВАНА

Приказ получен. СТ-250 должна идти в Усть-Черную. На Весляне это самый северный поселок, куда заходят суда пароходства.

Саня обрадовался выходу. Надоело стояние в затоне. Таскайка на своем горбу весь день разные припасы. А вечером в кубрике даже почитать нельзя. Пока судно не на ходу — света нет. Коптит огарок свечки... Да и вообще на реке в плаванье всегда веселей.

И погода сегодня как по заказу. Ночью вызвездило. Утром солнце согнало с палубы изморозь, высушило ее. К обеду совсем стало тепло: безветрие и солнце.

Приказ есть. Саня видел этот стандартный бланк на желтой бумаге, где, кроме пункта назначения, рукой диспетчера написано, что старшим каравана судов назначается капитан СТ-100 Мешков. А на судне что-то ждут, хотя все готово. Все возле рубки на ходовом мостике: Юрий, Анатолий, Виктор. Виктор голову в беретике склонил, руку плавно вытянул, качнул ею, как будто говорит: «Слушайте меня, я вам дело толкую».

Саня направился к трапу на мостик...

Когда Виктор узнал о содержании приказа, покачал головой:

— Намаемся мы с этим Мешковым. И додумались же в пароходстве — старшим его. Лично я — ни за что на свете... Раньше чем через час не выйдем.

Юрий промолчал. Он не знал Мешкова. Лишь с середины прошлой навигации — в грузовом флоте. До этого водил пассажирские теплоходы от Левшино по Сылве и Чусовой.

Анатолий возразил:

— Брось ты. Мужик он вроде покладистый.

— Покладистый. Перед старшим по чину. А ты с ним на его «сотельной» походи... Он нарочно будет время тянуть. Показать чтоб — он над караваном большой хозяин.

Кто-кто, а Виктор знает Мешкова. В позапрошлом году попал он к нему на СТ-100 механиком. Месяц проплавал и вспомнил Федьку Котомку.

Был у них на Тихоокеанском боцман-сверхсрочник. За глаза его матросы иначе и не называли, как Федька Котомка. Над палубной командой права у боцмана большие. А был он из тех служаков, что дисциплину спраши-

вают ой-ой-ой. Построже корабельного устава... Новичков как он донимал. Получат обмундирование новехонькое. А он им: «Ну, салажата, вам все равно в увольнение не ходить, давай меняться!» И вплоть до ремня у некоторых выменивал за старье. Вроде бы и не превышал власти, по доброй воле шел обмен. Но кто из новичков откажет боцману...

Вот и стал Виктор звать своего капитана тоже Котомкин, а чаще — Мешков-Котомкин.

Этот такой же прижимистый и запасливый. Чуть стоянка в глухом месте — кряжует бревна. Из команды все время кого-нибудь зовет помогать чурки таскать на палубу. Запасает на зиму даровые дрова. Дом у него каменный, много съедает дров.

А люди не маленькие: видят, как вместе с дровами закатывает капитан в трюм строевые кряжи. Рядом со шлакоблочным домом решил строить еще и деревянный. С женой они не зарегистрированы. Запишет дом на нее — кто придерется. Да и дрова готовит не только себе. В середине зимы продаст излишек втридорога какому-нибудь простодушному недобытчику... На приличный грузовой теплоход не выгонишь Мешкова. Зачем ему плавать в большие города? А здесь, по лесным глухим местам, у него — доход.

Мужики, что постарше и познакомее Мешкову, подшучивают над ним, особенно когда выпьют: «Ты, Федорович, знать, все-таки родственник бывшему камскому-то парходчику-судовладельцу Мешкову. Хватка, ядерный гвоздь, у тебя та же. Возьмешь — не выпустишь». А Мешков нальется кровью, колотит в грудь: «Что вы, братцы, да я бурлак потомственный. Дед бурлачил».

Вспомнил это Виктор, представил перед ребятами в лицах. Хохочут: «Ну и механик, подденет так подденет».

А тот невозмутим, не улыбнется, будто и не он расмешил.

— Ну, что я вам говорил. — И сделал рукой жест, словно представил публике: — Командир «сотельной» адмирал Мешков-Котомкин!

На ходовом мостике СТ-100 появился полнеющий мужчина. Даже на расстоянии метров в двести было видно, что лицо его чисто выбрито и красно. Низко надвинутая фуражка с начищенным «крабом» оттопыривала уши, отчего они казались большими и тяжелыми. Он навалился обеими руками на ограждение, высоко подняв голову, медленно оглядел близстоящие самоходки и отступил в глубь ходового мостика. Ему можно было пройти в рубку, там тоже есть переговорная труба. Так нет, он остался на мостике и на виду у всех отдал команду в машинное отделение.

Затакали дизели. Мелкая дрожь побежала по корпусам. Одна за другой самоходки отдавали чалки и разворачивались из залива сразу вверх, на север. Взревели прощальные сирены. И долго было видно, как на палубах оставшихся больших судов машут руками маленькие фигурки...

Что хорошо в плаванье по реке, так это смена берегов. Бывало, на отцовском катере сидит Саня с книгой и час, и два. Поднимет голову, оглядится, задумается о своем. Потом опять развернет книгу. Оторвется от нее — уже другой берег. То вместо леса потянулись поля. То глинистый обрыв сменился золотистым песком. А то просто тот же обрыв и тот же молодой ельник ошетинился поверху, только изменилось освещение и ельник из голубого стал иссиня-черным.

Вот и сейчас лишь поужинал Саня и вновь поднялся на ходовой мостик, а маячившая вначале у правого берега ледяная кромка стала шире. Вот она появилась и у левого. Зашуршало вскоре, зацарапало по корпусу ледяное крошево.

Солнце уже совсем низко, цепляется за верхушки ле-

са. На него насаждает грузное облако. От берегов пролегли густые, резкие тени. Порозовела вода в просветах между льдинами. За передней самоходкой катится горбатый маслянисто-синий клин, образованный кромками раздвинутого льда.

Темнеет быстро. Штурман зажег отличительные огни. Саня сбегал включил топовые. Да так и остался стоять на носу.

Лиловая полоса на горизонте, где спряталось солнце, стала розовой, потом оранжевой. Пожелтела, сделалась лимонной. Тускнела, тускнела и погасла.

Когда самоходки, пробившись сквозь прибрежный лед, причалили, все разошлись по каютам. Саня остался на палубе один. Побродил взад-вперед, вспомнил, что его приглашал Анатолий, и несмело спустился к нему в каюту.

Штурман тепло улыбнулся, молча указал взглядом на колченогий стул и опять повернулся к механику. Саня огляделся. Анатолий и Виктор склонились над грудой книг и бумаг на столе. Раскладывали потрепанные толстые тетради. Разговаривали, видно, о хорошо знакомом им обоим: односложно и непонятно.

— Когда думаешь работу по судовождению отправить? Наверное, уж давно накатал?

— Что вы, Витек! Если успею к середине навигации, считай, что с меня причитается. На радостях на все буду согласен. Только смотри не проморгай.

— Ну, тебе хорошо. А лично я эти дизельные судовые установки вот где ношу. — И Виктор дурашливо хлопнул ладонью себя по шее.

Когда занялись книгами, Анатолий оживился. Взял одну, показал Виктору:

— Так и не прочитал?

Тот мотнул головой.

— А ты?

Глянул Саня на обложку: книга совсем незнакомая.

— Кажется, нет...

— Научная книга, но местами интересная. В затонской библиотеке мне зимой попалась. Случайно с судовыми книгами вчера притащил... Четвертый год в северный завоз хожу и все на Косу, Весляну да Колву. А о крае этом ничего не знал. И вдруг книга подвернулась. Тут и история, и вся природа тех мест описана.

Вывернул Анатолий табурет на середину каюты, оседлал его.

— Я без книг не могу. Как только читать научился — и пошло. Мать спать гонит, ругается, а я все одно допоздна сижу. С книжкой и засыпаю. В школе тоже: чуть скучный урок — опять книгу на кодени...

Саня вышел от штурмана около полуночи. На СТ-100 кое-где еще светились иллюминаторы. Он постоял, посмотрел на соседнюю самоходку. Теперь он знал, почему Виктор называет ее «сотельной».

Очень уж капитан Мешков деньги любит. Товарищ у него по техникуму есть, вместе на реку пришли вскоре после войны. В те трудные годы его товарищ, недосыпая, недоедая, окончил институт водного транспорта. Сейчас он капитан нового трехпалубного теплохода на Каме. Мешков гордится этой дружбой. Любит рассказывать о нем. А как коснется заработка, глаза загорятся, зачмокает губами: «Э, он не нам чета, больше двух сотельных получает». И всегда так, если разговор о больших деньгах зайдет, — уважительно, ласково: «Со-о-о-тельная...»

Стоит Саня один на палубе. Чудно ему. Привык: раз плаванье — значит, лето. А тут судно на воде, а вокруг лед и подмораживает.

Затихли голоса в каюте Анатолия. Прощел к себе Виктор. На льду под кормой погас светлый овал. Темно. Только по одному огню на каждой мачте светится да рой звезд разлетелся по ночному небу.

Саня поднялся по гулкому трапу из сумрачного кубрика и зажмурился. Солнце-то какое. И небо чистое-чистое, будто прополосканное в бледной синьке.

Прошел на ходовой мостик. Плавный изгиб берегов. Ширь — разлив с далекими сахарными кромками. Над темной водой клубится холодный пар. Впереди — сплошное ледяное поле.

Вот оно надвинулось вплотную. Нетронутое — ровное, припорошенное снегом. Лишь посередине прошла заметная полоса и оборвалась близко у горизонта, где дымит буксирное судно. Рядом с ним видны силуэты больших барж. Здесь уже проходил ледокол «Кама» и провел первый караван. Но морозной ночью смерзлась дорожка. Накрепко спаяло развороченные льдины.

На «сотке» у Мешкова самый сильный и быстроходный двигатель. Вчера он, как заправский флагман, все время шел впереди. А тут что-то отстал.

СТ-250 пришлось первой врезаться в лед. Сразу заскрежетало вдоль бортов. Вздрыбились перед носом льдины. От ударов загремели якоря в клюзах. Самоходка нагружена сполна, сидит низко. Лед торосится, ползет почти вровень с палубой. Поднимается льдина — сверху белая, снизу голубая, изъеденная водой, зубастая. Хватит железный борт, раскрошит зубы, зашипит, заурчит и ухнет вниз, под днище.

Часто приходилось давать задний ход и врезаться с разгона. Но льдины все плотнее смыкались за кормой,

как будто и не проходили здесь самоходки. Вот уже возле бортов не видно ни одной полыньи. Куда ни глянь — болят глаза от блестящего снежного поля. Как ни гоняли, ни мучали дизель, не продвинулись ни на шаг. Остановились.

Кажется, солнце полыхает жарко, а со льда веет таким холодом, заставляет так ежиться — ни дать ни взять ясный февральский день в поле. Не хватает только заснеженных скирд, поющих телеграфных столбов да лошади, запряженной в сани. В диковинку Сане среди зимнего белого безмолвия темные суда с яркими красно-синими вымпелами на мачтах.

Саня красит верх надстройки. Поднимет голову, посмотрит на сверкающий лед и опять водит кистью.

Молчалива неподвижная самоходка. Звенящая тишина вокруг. Только слышно, как хищно кричат и ссорятся, собирая выброшенные с судов объедки, жирные чайки.

«У-у! Заладили!» Не любит капитан СТ-250 эту птицу! Прожорливая, драчливая, суматошная. Тут и без нее на душе неспокойно.

Первый раз ведет Юрий судно сквозь льды. Анатолий, правда, в этом деле поднаторел, идет в четвертый раз. Все, кажется, в порядке, но Юрий волнуется. Ледокола не видно. С первыми судами, вероятно, еще не распутался. А караван растянулся — последних и не видно за поворотом. Успеет ли ледокол засветло вывести всех?

— «Кама»! «Кама» идет! — закричал вдруг Саня и, стоя на тенте перед рубкой, махнул малярной кистью туда, где густо дымил буксир.

Юрий и вправду увидел там еще одно судно, с низким широким корпусом. Ледокол! Вот он ближе, ближе. Гулом машин, грохотом льда разогнал тишину. Прошелся возле беспомощных самоходов, оставив за собой вспа-

ханное ледяное поле. И дальше, дальше, к кромке льда, встречать новые грузовые транспорты.

Теперь по пробитой дорожке можно идти дальше.

Юрий резко крутанул штурвал вправо. Сзади во всю мощь своего двигателя настигала «сотка».

«Чего он вдруг, сдурел? — подумал Юрий. — Видно, и впрямь мужик с закавыкой».

А СТ-100 быстро пошла впереди, погнала винтами мощную струю воды, отбрасывая лед назад. А тому деться некуда, с обеих сторон дорожки — прочные кромки. Льдины грудятся, прессуются в пробки. Вскоре в одну из таких пробок и вклинилась СТ-250. Дали задний ход, кое-как выбрались. Попробовал было Юрий еще раз сунуться вперед — не пускает.

Мешков со своей самоходкой уже далеко. Суда, идущие сзади, отстали. «Кама» вернется нескоро. Время, драгоценное время не хочется терять. Лишний час хода в день — десяток пройденных километров. Второй день пути на исходе. За кормой и сотни километров нет. Задерживает суда цепкий лед. А весна движется без помех. Она катится, неугомонная, с юга на север, плавит снега, распускает почки, греет землю, гонит вешние воды по рекам в море. И надо торопиться на север вслед за весной. Быстрее, быстрее!

Юрий дал задний ход, спятил самоходку. Нашел ответвление от основной дорожки, свернул влево и пошел в обход пробки. Тут ледокол крутился возле буксирного парохода, наследил густо.

Натужно, медленно идет самоходка извилистым следом. Задний ход, разгон. Заухает лед, забулькает, переворачиваясь в воде. Метров тридцать позади. Снова задний ход... Однообразно и настойчиво. Вперед, вперед — на главную дорогу.

Юрий сам за штурвалом. Сам крутит маховичок, дает задний ход, полный. Вопрекл. На практиканта-рулевого

надежда еще плоха. На чистой воде — другое дело. Пусть пока стоит рядом, приглядывается.

А Саня не может понять: чего капитан торопится, судно бьет? Неужели нельзя подождать «Каму»? И зачем вообще гнать суда, когда лед стоит по всему водохранилищу?

Насмелился, спросил у капитана.

Юрий наморщил лоб:

— Хм, как тебе покороче обрисовать. Понимаешь, потому и северный завоз, что суда идут на север, в верховья. От железной дороги эти места очень далеко. Доставить все необходимое можно только водой. Летом не попадешь: мелко. А там ведь люди живут, работают. Их же кормить, одевать надо, оборудование нужно. Вот весной и завозится все основное.

Юрий озабоченно смотрит вперед из-под низко надвинутой кепки. Прищурился. Ресницы у него светлые и длинные. Сегодня он опять не брился. Щетина густая и, видать, жесткая — блестит, как медная проволока. Когда он не брит, подбородок его кажется широким и тяжелым. И вообще вид какой-то мрачный. А сейчас, вероятно, вспомнил, как сам впервые узнал о северном завозе в речном училище от старого капитана, начальника практики, — улыбнулся.

— Дело, правда, не только в глубинах. Паводок вообще-то держится долго. Но на берегах рек за зиму накапливается много древесины. Как ее доставить? Опять — только водой, и тоже пока глубины хорошие, течение сильное. Пароходство и сговаривается с Камлесосплавом о сроках. Пока вода очень большая, сплавливать все равно нельзя: разнесет по лугам и чащобе. В это время идут суда. А потом, в конце мая, перекрывают начисто Каму у поселка Керчево запанью, для задержки плывущего леса. Начинается сплав молам — россыпью. Вот

и торопимся, чтобы до перекрытия реки рейса по два на север сделать. А буксиры в это время плоты зимней сплотки с верховьев выводят.

«Таки-таки, таки-таки...», — выговаривает дизель. А Сане кажется, что он упрямо бормочет, стиснув зубы: «Пере-гоним, пере-гоним...» Буксир с двумя грузно осевшими «румынками» заметно приближается, уже можно прочесть на его корме название.

Среди льда появились разводья. А вот впереди зачернел неширокий коридор чистой воды.

Юрий глянул на Саню, опять улыбнулся:

— А не пора ли, товарищ рулевой, за прямые обязанности? — И отошел от штурвала.

Саня несмело взялся за отшлифованное руками до блеска деревянное кольцо. Скатал руль вправо, вслед за головной самоходкой. Два оборота влево — одержал.

— Правильно, — одобрил Юрий. — Так и держи за ней.

От поворота штурвала плавно покатился нос судна. Саня опять сдержал его, еще повернув штурвал чуть-чуть обратно. Судно слушалось хорошо. Теперь оно было во власти Саниных рук. Это чувство, знакомое с прошлого года, и постукивание рулевого привода совсем ободрили его. Саня выпрямился, расставил широко ноги — встал свободно.

Заиграла гармошка. Анатолий появился на ходовом мостике. Знакомая Сане мелодия: «Неужто свинцовой метелью земля запыляет окрест...»

Летит над водой песня. И вспоминается Сане, как в первый раз, совсем еще мальчишку, взял его отец в дальний рейс. Шли они вдоль волжских берегов, мимо белых новостроек и еще оставшихся от войны закопченных развалин... «И снова в солдатских шинелях ребята уйдут от невест...»

А над ними небо, прозрачное, бледно-голубое. Лишь кое-где белые облака-клячки, словно кто кистью мазнул неосторожно. Чистое небо...

Анатолий рванул гармошку, заметались пальцы по клавишам, понеслась плясовая. Сам притопывает, глаза блестят, кургузая кепчонка заломлена на затылок.

Вот так же, наверное, хотелось петь и плясать Тольке, когда его приняли в ремесленное речное училище. Как он волновался! Часто ходил на берег Камы, смотрел на пароходы, а сердце колотилось отчаянно: примут-не примут. Приняли. И стал Толька через два года судовым мотористом.

А Саня и подумать не мог, что штурман — много ли он старше его, рулевого, — прошел целый водный университет. Летом плавал, а зимой учился. После ремесленного окончил курсы рулевых. Потом двухгодичную школу комсостава — получил свидетельство механика. Затем курсы судоводителей — аттестовали на штурмана.

Уважительно смотрел теперь Саня на Виктора и Анатолия. Шутка ли, уже по девять лет отплавали парни. А сейчас оба учатся в заочном речном техникуме.

Недолго радовался Саня чистой воде. Снова надвинулась ледяная лавина, грязная, вперемешку со щепьем, сучьями, вывороченными деревьями. Гулко забухали по скулам самоходки бревна. Запахло прелой корой и мокрой гнилью. Напоенные талыми водами, сплавные реки Иньва и Косьва вздулись, смели с берегов всю грязь и вынесли в водохранилище.

Вскоре опять ни одного оконца чистой воды не было вокруг. Приносной лед с лесных рек наглухо забил весь коридор, нажал на коренные ледяные массивы, сдвинул их. Передние самоходки успели проскочить и потихоньку пробивались дальше. А СТ-250 заклинило между двух огромных льдин и даже чуть-чуть снесло назад.

Оставалась единственная надежда — ледокол «Кама».

— Подъем! Быстро наверх!
Дверь кубрика хлопнула так, что тусклая лампочка-двенадцативольтовка под толчком мигнула и совсем погасла. В кубрике стало темно и пусто.

Саня долго не мог сообразить, что ему нужно делать. Его удивила эта ранняя пробудка. Ведь на вахту с шести утра, когда уже светлым-светло. Он нашарил на откид-

ном столике карманный фонарь и щелкнул кнопкой. Часы на руке показывали четверть второго. Саня вскочил и стал быстро одеваться.

Вечернюю вахту ему не пришлось достоять. Пока было светло, все надеялись, что придет ледокол. Но к девяти часам сильно заморочало, поползли по небу рваные грязные облака. Быстро стемнело. Юрий понял: ждать «Каму» бесполезно. Там наверняка думают, что самоходки благополучно прошли по чистому коридору. Значит, ледокол встал на ночь у кромки ледяного поля, чтобы утром встретить новый караван. Поэтому с наступлением темноты Юрий отправил всю вахту отдыхать. В рубке остался лишь вахтенный матрос.

Тихо гудел и мелко дрожал корпус самоходки — на малых оборотах работал двигатель. Но к этому привычному подрагиванию примешивались непонятные тупые толчки то с левого, то с правого борта, словно судно металось между двумя упругими упорами. Под сланью и внутренней бортовой обшивкой что-то скрипело и по-

трескивало. Саня наспех запахнул ватник и загремел тяжелыми ботинками по крутому трапу.

Едва он ступил на палубу, как сильный ветер рванул полы, обжег размягченное сном тело, зло загудел в уши. Сначала трудно было рассмотреть что-либо. Густой, влажный снег хлестал по лицу, бил по глазам. По щекам потекли холодные струйки.

Небо нависло тяжелое, однотонное. Куда ни повернись — с обоих бортов, носа и кормы, — отовсюду доносились уханье и глухой треск. Этот однообразный грохот торосящегося льда заглушал и свист ветра в снастях, и рокот дизеля.

Палуба была обледенелой и скользкой. Придерживаясь за колючий леер и набычившись, Саня пошел вдоль борта на тревожно-красный огонь.

В рубке был Юрий. Опустив боковое стекло, он смотрел в бинокль на далекий берег, на чуть заметные огоньки лесного поселка. Он даже не обернулся на звук хлопнувшей двери.

— Сносит, черт побери! Сильно сносит, — пробормотал он и легонько стукнул биноклем по столику.

На крыше рубки топтался Виктор. Он возился со стареньким прожектором, который ремонтники так и не смогли заменить перед выходом в рейс более надежным и мощным.

Вскоре вспыхнул слабый луч света. Он наискось лег на кромку надстройки, скользнул по горбине трюмной крышки и, коснувшись близких льдин, растаял, растекся по их мутно-белой поверхности. Ветер дул с правого борта. Отсюда и надо было ожидать большей опасности.

Порывы становились все резче, все напористее. Саня стоял на ходовом мостике и смотрел вдоль прожекторного луча, чтобы сообщать капитану в рубку о движении льдин. Он чувствовал, как сильно зажало в ледяные

тиски самоходку, словно его самого кто-то обхватил цепкими руками и давит, давит...

Двигатель работал неустанно, то сбавляя обороты, то взвизгивая на предельном напряжении. Юрий подавал судно вперед, пятил его — маневрировал, чтобы смягчить напор. Он использовал малейшее ослабление, малейший просвет, старался увернуться при подвижке льда от прямого тарана. Это было единственное, что могли противопоставить на самоходке силам непогоды.

Вот опять вздыбилась возле борта угластая льдина, придавленная второй, и пошла наискось под днище. На вторую наползла третья. Казалось, еще немного — и тонкий металлический борт лопнет под их напором, как сильно натянутая бумага от нажима пальца. Хлынет в трюм вода, и тогда уже никто и ничто изменить будет не в силах. Придется капитану отдать последнюю команду: сходить всем с левого борта на крепкий лед.

Юрий вцепился в штурвал с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Единственный выход — сдать назад. А как там лед, пустит ли?

— Под кормой льдины помельче, раскрошило! — крикнул с мостика Саня.

Юрий навалился на рукоятку реверса, перевел на задний ход. Опасный ледяной «кулак» медленно пополз вдоль борта к носу.

Еще одна стсрочка!

Но не утихает тревога: вдруг разошлась обшивка, и вода, страшная и всеильная сейчас вода, уже просачивается внутрь?

— Саня! Бегом в центральный кубрик. Послушай воду...

В кубрике испуганная спросонья кокша:

— Что случилось?

— Льдом затерло, к берегу сносит.

— Беда-то какая! Так и до греха недолго...

Успокоить бы, пустяки, мол. Так нет, напустил на себя:

— Да, дело серьезное.

Шарит Саня фонариком вдоль бортовой стенки. Прильнул ухом — слушает: не булькнет ли где, не плеснет ли вода. Плохо слышно. Трещат продольные и поперечные крепления. Стонет весь корпус, словно протяжно охает от тяжелой боли.

А как трюм проверить? Он полон мешков с мукой: не увидишь, что там внизу. Да и крышки закрыты наглухо. Контрольный тросик протянут сквозь ушки, запломбирован. А если посмотреть на шкалу, нанесенную на борту краской, проверить: не изменяется ли осадка? Выскочил Саня снова на палубу под липкий снег. А там уже Анатолий перегнулся через леер к близкому льду, смотрит на деления... Пока все в порядке.

Снег шел такой же густой и липкий, но ветер поутих чуть-чуть. Юрий расставил людей: на носу, на корме, по обоим бортам — везде по одному. Чуть что, они крикнут, доложат обстановку, Саня подхватит и передаст капитану. У всех стало поспокойней на душе.

Поднялся из машинного отделения Виктор. Как всегда невозмутимый, с ухмылочкой. Умеет тревогу прятать — не прошла, зная, даром служба в военном флоте.

— Порядочек, кэп. Мой старик дизель не подведет. Напоен, и смазан, и к бою готов. Девяносто процентов гарантии. Дал бы и сто, да лично я считаю: такой гарантии не существует...

Юрий улыбнулся — первый раз за эти часы — махнул рукой:

— Ну, пошел, говорун...

А Виктора теперь, раз уж он заговорил, остановить не так просто. Закатил в уголок рубки круглый табурет и пошел рассуждать:

— Вот бьемся мы, маемся. А будь под руками ледокол — вмиг бы дорожку нам проутюжил. Плыви да радуйся... Говорят, когда вся Кама будет шлюзованной, почти круглый год ходить будем. Понаделают ледоколов, и никакого тогда тебе зимнего отстоя.

— Ну, по таким глубинам далеко не уйдешь, — неожиданно возразил Саня, сам удивившись своей смелости. — Водохранилище за зиму вон как сработалось, обмелело сильно.

— Конечно, не во все места попадать сможем, — согласился Виктор, — Хотя бы на крупные пристани, где поглубже да судовой ход попроще...

— Так, пожалуй, оно и будет, — поддержал Юрий. — Речные перевозки самые дешевые. Зачем же от них отказываться, если условия позволяют. Ведь часть грузов на север и сейчас можно забросить самолетами и вертолетами. А в какую копеечку все это вскочит? Так что неспроста речные ледоколы строить стали и нас сквозь лед гонят.

Еще посвистывал ветер, еще липли к стеклам снежные хлопья и змеились вниз мутными струйками, но подвижка льда стихла. Правда, никто не мог поручиться, даже Виктор с его девяностопроцентной гарантией, что ветер не завоюет с новой силой, не начнет озверело сшибать друг с другом льдины и грудить, упрямо гнать их к прибрежным отмелям и ставить там «на мертвые якоря». А ведь вместе с этими льдинами будет дрейфовать маленькое суденышко с командой из восьми не спавших ночь упрямых парней.

Может быть, каждому из них приходила мысль о самом худшем, но вслух никто не сказал ни слова. Все они думали о «Каме» и часто поглядывали в ту сторону, откуда вчера пришли сами.

До рассвета оставалось еще три долгих тревожных часа.

Ох уж эти утки! Летят и летят низко над судном, как будто нарочно хотят раззадорить, и скрываются у дальнего берега, где дыбятся затопленный, мертвый лес. Уже высоко поднялось солнце, совсем теплое сегодня, ласковое. На подветренном борту, за надстройкой, можно стаскивать рубаху и подставлять спину лучам.

— Толик! Загорать не желаешь? — смеется Виктор.

— Иди ты...

Анатолию не до загара. Мечется по мостику, бинокль в руках. Смотрит уткам вслед.

— Летят ведь! А? Братцы! Низко-то как...

В каюте у него лежит отличное ружье. От отца охотника перешло по наследству. А какой толк от него?

— Эх ты, жизнь бурлацкая!

Анатолий потерянно махнул рукой и полез в машинное отделение. Но долго не выдержал и снова появился на палубе. Прошел на нос, сел на крышку трюма. Неподалеку практикант красил металлические леерные стойки.

Сильно пахло краской. Но иногда обдавало чем-то неожиданным и очень знакомым. Вот опять! Но никак не уловишь — чем.

Вспомнилось детство, прокаленные июньские дни, скрипучие подводы, сонные лошади и мельница. Мельница! Анатолий наклонился к самой кромке рифленой крышки. В нос ударил сытный, парной запах. «Тьфу ты! Да ведь трюм полон муки!»

А мельница так и не идет из головы. Сколько просидел он возле нее, у омута, с удочками...

Поглядел на Саню. Работает парень. Жарко ему стало, сбросил кепку. Чтобы волосы не мешали, надел на голову сеточку. Окликнул его Анатолий:

— Перекурим? Денек-то какой, а?

Развалились на теплых крышках трюма. Лежали, жмурились, глядели на проплывающий мимо аккуратный поселок с чистенькой церковью.

— Это Орел, — заговорил Анатолий. — А церковь — памятник архитектуры. Старинное место. В той книге, о которой я рассказывал, написано о нем. Орел-городок назывался. А еще раньше — Кергедан. Коми-пермяки тут жили. А в тысячу пятьсот — каком точно не помню — многие земли по Каме царь пожаловал Строгановым. Они и устроили здесь центр своих владений. Он ведь на острове, этот Орел. Как гидростанцию построили, обступила его вода со всех сторон...

Голос у Анатолия глуховатый, словно у него простужено горло.

— Вот ведь: берега знакомые-перезнакомые, а каждый раз видишь их по-новому. Из-за этого и люблю плавать. Осенью на воде нудно. Тогда уж только скорей бы в затон! А чуть запахло весной — на судно тянет.

Из трюма пахло мукой. С камбузной трубы ветер срывал клочья терпкого, горьковатого дыма и разносил по палубе аромат борща. Подлетали к судну и резко сворачивали утки.

И разговор пошел об утренних зорях, о кривулистых рыбацких тропках-береговушках. О том, что сегодня с утра волнует Анатолия.

Детство всегда вспоминается ему охотой или рыбалкой. Особенно запомнилась зима, когда еще был жив отец. Сколько белки они напромышляли вдвоем! Хорошая у них тогда была лайка. Да и год на кедровый орех

выдался урожайный. А в Сибири все лето — лесные пожары. Много в те поры белки перевалило за Уральский хребет.

Последним школьным, последним домашним был для Анатолия тот год. А потом счет пошел не на годы, а на навигации. Самое лучшее время для рыбалки и охоты Анатолий проводит в плаваниях. Урывками, на стоянках, пока выгрузка-погрузка, посидит с удочками, еще реже удастся сбегать с ружьем в лес. А все не то.

— Так хочется забраться куда-нибудь в глухомань, на такую речку, где рыба химией не травлена, дичь никем не пугана. Месячишко бы провести там. Лучше всего сентябрь, когда и рыбалка, и охота. — Анатолий лежит на спине, смотрит на плывущие мимо белыми парусами облака, вздыхает. — До того хочется, так бы и бросил все. Вижу ее, эту реку... Проснешься в шалаше. Холодно на утре, звезды сквозь лапник просвечивают. Чистота! И сам вроде какой-то другой. Забудешь обо всем обычном... А знаешь, можно было мне летом в отпуск ходить. Приглашали механиком на электростанцию, в леспромхоз, в своем же поселке...

— Отказался? — Саня приподнялся на локте.

— Да нет, согласился. А тут как закапало с крыш...

Весна за весной. Плывут мимо Анатолия знакомые и незнакомые берега, люди, события. И где-то течет еще неназванная, неведомая речка, о которой мечтает он. Кто знает — может, доведется ему побывать на ней. А если нет?

Ну что ж, Анатолий не задумывался над этим. Саня сейчас тоже не может ответить на такой вопрос. Но пройдет время, и он поймет, что счастье не только в том, чтобы тут же получить желаемое. Немалое счастье приносит сама мечта, пусть она и не сбывается полностью. Ожидание завтрашней радости помогает жить, заставляет бороться. Мечта Анатолия — это его любовь к природе.

де, жажда постоянного движения, смены впечатлений. Потому-то и притянула его вода, «жизнь бурлацкая».

Вот он стоит перед Саней на самой горбине крышки, половодьем растревоженный, мечтающий человек. Стоит и насвистывает тихо: «Ах, куда же вы торопитесь, куда? Поезда, поезда... Почтовые и скорые, пассажирские поезда...»

Прошли Соликамск. По обе стороны потянулись непривычно близкие после водохранилища берега. Низкие, песчаные, они заросли густым ивняком. Что ни куст-пучок, то со своим цветом прутьев — от седого до рыжего. А сверху все опушены желтыми сзелена сережками.

День заканчивается так же мягко, ни ветерка. Но ребята чем-то встревожены. В рубку поднялся сам капитан. Виктор что-то говорит оживленно, показывает рукой на воду. Юрий смотрит хмуро, сжал в ладони колючий подбородок. Только Анатолий невозмутимо сидит в уголке на скрипучем табурете, обтянутом кожей и похожем на сапожничью седуху.

Всегда он так. Ребята шумят, спорят, о похождениях своих рассказывают взахлеб, а он сядет в сторонке, сдвинет сбитые сапожки один к другому — острые коленки вместе — и сверху руки выложит, небольшие, в ссадинах. Изредка несмело словечко вставит, а больше все улыбается добрыми, доверчивыми глазами.

Саня называет его просто и твердо — Анатолий, хотя так и тянет сказать мягко — Толик. Капитан и механик, те всё — Захарыч. Вроде и в шутку, а прислушаешься — всерьез. И с чего они его так навеличивают?

Саня не может понять: чем ребята обеспокоены? Ну, кое-где льдины плывут, рыхлые, ноздреватые. То ли еще было в водохранилище.

А лед больше, гуще. И вот уже захлестнул все от берега до берега, ползет со зловещим шорохом и треском.

Буксирный колесный пароходик, что шел впереди с брандвахтой, растерянно рыскнул в одну сторону, в другую. Потом круто свернул под ухвостье островка, бросил якорь.

Юрий крутанул маховичок, слегка пристопорил машину.

— Ну, что я говорил, — заметил Виктор. — Вишера пошла, самое время. Пробьемся?

Идти рискованно. Не льдины страшны, хотя есть и такие — с хорошую танцплощадку. Опасны бревна и коряги, вмержшие в лед.

— А может, тоже за остров спрячемся, переждем?

Юрий прислонился к стенке, руки в карманах. Смотрит на штурмана: его вахта — что скажет он?

— Попробуем, — говорит Анатолий.

Все выжидающе смотрят на него. Что попробуем? А он повернул маховичок в обратную сторону, прибавил ход.

Влево. Вправо. Маленькие кулачки бойко бегают, догоняя друг друга, по отполированному штурвалу. Теперь все зависит от маневренности. Где-то надо сбавить ход, где-то наддать, уловить момент и врезаться с ходу между льдинами. Точно рассчитать, увернуться и обойти стороной.

Шедшая впереди «сотка» вдруг пошла к берегу, закрылуляла меж льдинами, сбавила ход и отстала. Глянули минут через десять: идет вслед за ними, не обгоняет.

— Опять Котомкин хвостом крутит, — чертыхнулся Виктор.

Чуть видный за штурвалом, Анатолий стоит молча. Стоит полчаса, час. Льдины пошли реже. Хотел передать штурвал Сане.

— Идите оба ужинать. Я пока постою, — предложил капитан.

Анатолий медленно сходит с мостика, постукивая

стоптанными сапожками, идет вдоль борта, спускается в камбуз. Сбрасывает с головы свою восьмиклинку с пуговкой наверху, приглаживает реденькие прямые волосы и сосредоточенно склоняется над столом. Кокша наливает ему супу, заговаривает с ним. Анатолий молчит. В левой руке его часто-часто подрагивает кусок черного хлеба.

Дрожит рука. Дрожит хлеб. По корпусу гулко отдаются удары. За бортом бесконечное злое шипенье, царапанье, всплески.

□ КОРОТКАЯ ПЕРЕДЫШКА

Когда самоходка вывернула из-за мыса и Саня увидел дымы над стоянкой судов, ему показалось, что до Тюлькино близко. Но через полчаса расстояние почти не уменьшилось. Подпора воды от плотины гидроэлектростанции здесь уже не было. Пошла коренная река. Течение стало сильнее, и скорость судна уменьшилась.

Самоходка поднималась по сверкающей дорожке, зубчатой и рваной. Ее пересекали редкие льдины. Они вспыхивали на несколько секунд розовым пламенем и тут же гасли, сливаясь с мутной водой. К вечеру резко похолодало, и солнце садилось багровое, колючее.

Саня засмотрелся на широкий речной плес, над которым мелко клубился пар, на солнечную дорожку. Задумался. Куда только не забрасывает беспокойная жизнь речников. Более тысячи километров пролегло отсюда до

Казани. А каких-то две недели назад он был там и ничего еще не знал ни о северном завозе, ни о Тюлькино.

Анатолий тихо заметил, что надо принять правее. Саня не сразу понял, чего от него хотят. Лишь когда на плечо легла чья-то рука, оглянулся. Рядом стоял Виктор.

— Дай-ка мне.

Саня недоуменно глянул на Анатолия.

Виктор перехватил его взгляд.

— Не бойсь... — Плавно свел руки, скрестил их на груди. — Лично я не одну навигацию здесь плоты водил. Вторым штурманом. Впереди мель-осередок, ее справа обходить надо.

Саня уступил штурвал. Первоначальная растерянность мигом прошла. Чего он удивляется? Ведь сейчас на многих судах совмещение профессий. А особенно на таких небольших. Анатолий вон тоже и механик, и судоводитель.

А Виктор, довольный, стоит у штурвала, улыбается.

— Ну вот, двести шестьдесят километров прошли. Отлично и благополучно. А нам здесь однажды не повезло. Так же шли с баржами в первый рейс и намотали на винт трос. Паводок уходит, а мы стоим. Собрал капитан всех, охотников ищет к винту нырять. Вода — огонь. Страхота. Лично я — ни за что на свете...

Саня невольно посмотрел на воду. Свинцовая, парок от нее. Б-р-р, знобка.

— И нашлись, нырнули?

— Нырнули. Лично я и кореш один. Капитан, понимаешь, нас купил.

— Купил?

— Точно. По стакану столичной из собственного запаса пообещал... Ах, и хороша была после камской-то водички!

Виктор зажмурился. Заросший щетиной кадык поднялся и опустился вниз.

— Если бы не она, разве б стал лично я ноги мочить. Верно, Саня-лохматая голова? — и подмигнул озорно.

Что у него за руки... Так и спуют. К каждому слову — жест. Правая по штурвалу бегаёт, левая в карман скользнула, вынесла на ладони непечатую пачку «севера». Острым ногтем большого пальца вдоль папиросин чирк — разрезал плотную бумагу, переломил пачку. Неуловимое движение пальцев и губ — и папироса во рту. Когда папирос станет меньше, он разорвет и вторую стенку пачки, будет две половинки. Теперь их можно вкладывать одна в другую. Совсем как старомодный кожаный портсигар. Удобно. Не мнутя.

Уже доносится музыка. На каком-то судне включен мощный динамик. Слышно, как стравливают пар. Белое облачко поднялось над трубой одного из буксирных пароходов.

Виктор вытянулся, высматривая место поудобней. Решил, что самое лучшее — причалить под корму буксира, к борту самоходки. Но только начал он скатывать руль, чтобы держаться поближе к берегу, как слева на полном ходу воровато прошмыгнула СТ-100. Когда подошли к стоянке, на «сотке» крепили чалки как раз в том месте, которое облюбовал механик.

Виктор растерялся от неожиданности. Он настолько был ошарашен наглостью старшего по каравану, что лишь резко выдохнул:

— Ну, Федорович!

На что уж Анатолий выдержанный, и тот круто выругался.

Через час Саня сидел в диспетчерской. Он помог Юрию принести сюда какие-то приборы в ящичках с ручками. Их послали из пароходства для пристани Тюлькино.

Несмотря на вечер, в этом командном пункте северного завоза было оживленно. Перед диспетчерами лежа-

ли разрисованные цветными линиями графики движения судов. Звонили телефоны. Старший диспетчер докладывал по селектору кому-то о том, сколько судов парходства прошли Тюлькино, сколько здесь. Рассказывал о грузах.

— Всего пятьдесят восемь тысяч тонн. Да, да. Во всех самоходных и несамоходных судах. В основном хлеб, соль, уголь, металл и промтовары. Хлеб, хлеб — главное, говорю. Мука. Крупы... Обратное? По последним данным, на обратном пути надо брать около сорока пяти тысяч тонн леса. Нет, это кроме плотов. Кроме плотов. И металлолома пять тысяч тонн...

Саня вышел в коридор. Но и здесь из-за прикрытой двери другой комнаты неслось характерное потрескивание радиоаппаратуры. И женский голос, тихий и настойчивый, повторял:

— Двести сороковая. Двести сороковая. Как слышите меня? Прием... Где вы находитесь? Какой пункт прошли?.. Выше Серебрянки села на мель сто тридцатая. Точных сведений нет. Звонили из леспромхоза. Говорят, развернуло поперек реки... Двести сороковая. Двести сороковая. Как поняли меня? Прием...

Саня сидел под электролампочкой на скамейке, возле самого берега. Мимо него по дощатому тротуару перед пристанской конторой пробегали смешливые девчата и таяли за кромкой освещенного полукруга. И долго еще слышались их звонкие голоса и перестук каблучков. Где-то на окраине поселка взлетела песня, призывно вздохнула гармонь.

А он все еще слышал голос радистки и думал о незнакомых людях на тех двух судах. Коварная весенняя река. Тесно обступил лес. Глухомань. На сто тридцатой переволновались. Бились, наверное, весь день и весь вечер. Не смогли сдвинуть судно с отмели и стали ждать рассвета... А теперь снизу бежит двести сороковая, един-

ственная из малых самоходок, на которой есть рация. И без того спешили, а сейчас, верно, и вовсе. Механик свой двигатель обхаживает: «Давай, давай, дизелек, не подкачай». В рубке смотрят во все глаза в плотные сумерки: как бы не залететь самим. Приткнутся к берегу в темноте на два-три часа и опять — вверх, вверх...

Пришли Виктор с Анатолием. После швартовки они ходили в гости к знакомым ребятам на буксир. Виктор был молчалив. И руки лежали спокойно, короткопалые, с почерневшими от машинного масла ногтями. Анатолий, наоборот, был весел, даже обрадовался, увидев рулевого.

Саня рассказал им об аварии. Анатолий посерьезнел.

— Да, им там нелегко. Навигационные обстановочные знаки не освещаются. Да и лет десять уже, наверное, не обновлялись. А река-то меняется... Правда, раньше сюда ходили совсем без обстановочных знаков. Но то раньше...

Видя, что практикант внимательно слушает его, Анатолий стал рассказывать о том, каким было судоходство в верховьях Камы в первые годы Советской власти.

Мало-мальски сносное сообщение северных прикамских районов с Пермью наладилось только с 1925 года. И то по Весляне суда поднимались лишь на семь километров, до села Шумино. По Каме пассажирские — до Гайн; буксиры заходили даже в Кировскую область, до Усть-Порыша, откуда выводили плоты, и до Фосфоритной. Там раньше была верфь. На ней строили барки, в которых фосфоритную руду, добываемую на Кайских рудниках, отправляли в Пермь на суперфосфатный завод. Теперь это завод имени Орджоникидзе.

Как и сейчас, заранее снаряженные суда выходили частью из Усоля, частью из Перми и шли на север. Северная навигация длилась с конца апреля до середины июня. Иногда и позднее, пока не спадала вода.

Осенью, с конца сентября, пароходы опять ходили в верховья. В некоторые годы, когда была особенно большая вода, плавание прерывалось в середине лета на очень небольшой срок. Так, в 1929 году оно приостанавливалось всего на тридцать дней.

Трудные условия судоходства на Верхней Каме — неустойчивое русло, множество мелких перекатов, открытых стариц — мешали грузовым и пассажирским перевозкам. Тогда был разработан проект сплошного шлюзования Камы от устья Вишеры до устья речки Волосницы, что в Кировской области. Предполагалось построить целую систему низконапорных плотин с двенадцатью шлюзами. Но проект этот осуществлен не был. Во-первых, он был дорогостоящим. Во-вторых, построили железную дорогу на Фосфоритную, по которой и стали возить руду. И в-третьих, реку перегородили Керчевской сплавной запанью. По Верховьям Камы и ее притокам начались лесозаготовки, молевой сплав. С тех пор и стали традиционными только весенние рейсы в течение пятнадцати-двадцати пяти дней — северный завоз...

Виктору все это знакомо. От Анатолия слышал — жили зимой в одной комнате. А Саня слушает с интересом. Он думает о том, что, когда пойдут на самоходку, обязательно заглянет к Анатолию и возьмет эту книгу.

Уже совсем темно, лишь вдоль реки сверкают десятки клотиковых огней на кончиках мачт и освещенные иллюминаторы. Слабо шипит пар на буксирах. Всплескивает вода, ширкают по стальным бортам одиночные льдины. Покойно и тихо.

А Сане после диспетчерской и рассказа Анатолия хочется куда-то идти, что-то делать. Он очень ждал Тюлькино. Капитан сказал, что здесь выдадут зарплату. Саня мечтал послать домой к празднику денег, порадовать мать. Теперь он, казалось, забыл об этом. Он согласен

чуть свет идти дальше, на север, в верховья... Туда, где села на мель и ждет помощи незнакомая сто тридцатая самоходка.

□ БУДНИЧНЫЙ ДЕНЬ

Справа показалась старинная церковь в облезлой штукатурке, потемневшая от снегов и дождей, ветров и морозов. Она, как столетняя грузная старуха, смотрит на реку подслеповатыми окнами изпод каменных полукружий: что там за народ плывет? С добром ли?

Утро теплое и обманчиво тусклое. Краски неярки, очертания предметов смягчены, как бы подернуты дымкой. А дали на редкость прозрачны. Кажется, что река слилась с небом. От всего веет мудрым вековым покоем. И лес стоит в тяжелой дреме.

До поздней ночи Саня листал взятую у Анатолия книгу. Много узнал интересного о прошлом здешних мест. Как раз вчера после Керчево берега пошли все глуше, все безлюднее. И Сане везде чудятся теперь признаки старины, отголоски былых событий, волновавших княжество Пермь Великую.

Некогда было такое. Впервые его упоминает монах Елифаный — биограф епископа Стефана, возглавлявшего в последней четверти XIV века Пермскую епархию, занимавшую земли по реке Вычегде. Перечисляя владения, окружающие Пермь Вычегодскую, он выделяет как осо-

бую область «Пермь Великую, глаголемую Чусовая». Территория ее простиралась от озера Чусовского на севере до реки Чусовой на юге, от Вятской земли на западе почти до предгорий Урала на востоке. Населяли ее предки нынешних жителей Коми-Пермяцкого национального округа. Центр ее был в городе Чердыни, называемой тогда тоже Пермью Великой.

Вслед за первыми русскими поселенцами на эти земли шла церковь. В 1443 году епископ Иона крестил коми-пермяцкого князя в Чердыни, дав ему имя Михаил. Камские пермяки с тех пор стали участвовать в военных операциях на стороне крепнущего Московского государства, но сохраняли свою самостоятельность.

В 1472 году московский отряд во главе с князем Федором Пестрым, как сообщает Никоновская летопись, отправился на Пермь Великую. Войска князя Михаила были разбиты, и он признал себя вассалом царя Ивана III.

Когда Московское государство еще более укрепилось, Матвей Великопермский, сын князя Михаила, в 1505 году «был сведен с Перми Великой». По 1613 год прикамскими землями правили чердынские наместники и воеводы, а спустя некоторое время — соликамские.

К XVII веку коми-пермяцкое население значительно отодвинулось на юго-запад от своего прежнего политического центра — Чердыни. Селения с пермяцкими названиями, расположенные вокруг Чердыни — Камгорт, Искор, Ныроб, Янидор, Губдор, Пянтег и другие, — сейчас совершенно обрусели.

Первый русский отряд под предводительством Федора Пестрого пришел с северо-запада, спустился на плотах по Весляне и Каме и высадился на берег в том месте, где теперь село Бондюг. До Чердыни сушей оставалось всего тридцать три километра...

И вот теперь Саня идет этим же путем, только снизу вверх, и уже завтра будет на Весляне.

Церковь ближе, ближе. Заалели уже вывешенные первомайские флаги и лозунги. Замаячили на берегу фигурки людей. Их становится все больше и больше. Самоходка подходит к Бондюгу не одна. Впереди подваливает пассажирский пароход.

Появление первых судов в оглошем от зимнего безмолвия, далеко от тракта и железной дороги селе — большой праздник. Все от мала до велика приходят на берег. Визгу, смеху! Ребятишки целым табуном бегут. А сзади учительница. Видимо, даже прервала урок. Она старается идти спокойно, а сама вся подалась вперед. И бежать неудобно, и отставать не хочется.

Эх, причалить бы здесь, потолкаться среди людей, послушать разговоры! Да нельзя. Некогда: ждут судно в другом месте. Тоже ходят на берег, смотрят вдаль.

А самоходка напротив села вдруг замедлила ход, стала уваливать вправо и поползла вниз.

— Саня, к лебедке! Помоги якорь отдать. Тут, кажется, свал сильный. — Юрий склонился над лоцманской картой, разбирая мелкий шрифт примечания:

«Левый берег, начиная от 355 до 354,6 км, используется для сухогрузных причалов и пассажирским флотом. В этом районе, начиная от устья р. Бондюжанки и ниже, наблюдается сильное свальное течение к левому берегу. Судоводителям это необходимо учитывать. При наличии западных и юго-западных ветров свал в сторону причалов увеличивается еще больше».

Загрохотала якорная цепь, судно споткнулось и стало носом против течения.

Из кубрика поднялся Виктор. Глаза заспанные: только недавно с вахты сменился. Поскреб грудь под распахнутым кителем:

— Э-э-эх, люди! Поспать не дадут. Чего якорек бросили?

— А-а! — махнул рукой Анатолий. — Бугель лопнул. Муфта ни взад ни вперед — на холостом...

Виктор нырнул в темный провал люка в машинное отделение.

Полчаса не прошло, как снова заговорил двигатель. Поплыло мимо село и осталось позади. И Сане отчего-то стало грустно.

Мелькнули, как во сне, люди на берегу и растаяли за кормой неузнанными. И, может, он их не увидит больше. Не повторится этот по-северному прозрачный весенний день. Густые заросли краснотала на дресвяных берегах, стыдливые голые березки по колено в воде тоже со временем выветрятся из памяти.

Хотя проглянуло солнце, день был по-прежнему мягким. И небо висело тускло-голубое, простенькое, будничное.

Саня сидел на носу, оглядывая дали. И казалось ему, что сколько он помнит себя, все плывет и плывет по этой реке и ничего другого с ним никогда не было.

Промелькнул день. Пали на воду длинные тени, следом из леса вот-вот поползут седые сумерки.

Юрию вдруг захотелось самому постоять у штурвала, и теперь он ведет самоходку по кривой, повторяя крутой изгиб реки. От этого кажется, что рошица берез у самой воды медленно кружится.

Солнце опускается в середину этого хоровода. Сегодня оно гладкое, не колет лучами глаз. Покачалось на ветвях и скрылось. Лишь на матовой коре берез долго еще горели малиновые отсветы.

Хотя на ночевку встали когда было совсем темно, идти в свою каюту Юрию не хотелось. Не проходило чувство одновременной легкости и грусти. Завтра же май —

начнется последний и самый звонкий весенний месяц. Как-то будут праздновать жена и маленькая Наташка. А он опять один, опять далеко от них... Одна радость впереди: закончатся скоро занятия в школе, распустит жена своих пацанят на каникулы и до осени будет плавать с ним.

Юрий присел к ребятам на крышку трюма.

Вечер был теплый и тихий. Близко в кустах завозилась птица, тонко пискнула спросонок и умолкла. Что-то плеснуло под берегом. Не то ком земли, не то рыба. Откуда-то донеслась музыка и вдруг исчезла.

Никто не проронил ни слова. Лишь вспыхивали светлячками сигареты, на миг выхватывая из темноты то пальцы, то легкий пушок на верхней губе, то подбородок в частой и жесткой щетине.

Юрий сломал молчание:

— Праздник завтра.

Издали вновь послышалась музыка. Растаяла. Снова... Видимо, где-то чуть повыше стал, пока темнота, буксир с караваном барж. А дальше, на десятки километров кругом, — тайга, болота. Глушь. Редкие деревеньки, поселки лесорубов, как груды угольков в затухающих кострах, и опять — тайга-парма.

— Эх! — выдохнул он снова. — А у нас даже приемника нет...

Начал говорить и почувствовал, что прозвучало это слишком грустно. Остановился. Повисла в воздухе рука с недокуренной сигаретой. Но решил все-таки продолжать дальше и высказать вслух то, о чем думалось весь день.

— Как ни говорите, а хорошо плавать. Пусть и одиноко бывает порой, и тоскливо... Я вот заболел как-то зимой. Лежу, на морду здоровый, как бык, только пожелтел весь. Книжки почитываю, в шахматишки играю. В больнице-то. Мне, вообще, даже понравилось одно

время. Никакого тебе дела, ни заботы. Уж на пенсию хотели меня списать. Желтуха была, а лечили от гриппа. Три месяца провалялся.

Он встал, отошел к борту, совсем близко к воде.

— А тут весна... Я на курсах по совмещению профессий тогда учился. Ребята экзамены вот-вот начнут сдавать. Дай, думаю, и я попробую: в больнице-то все время занимался. Кое-как уговорил врача, отпросился на три дня. Ушел — и с концом. Экзамены сдал, сразу в рейс. И тут только испугался. Представил вдруг: списали меня по болезни из плавсостава. Серьезно говорю...

Ребята молчали. Только вспыхивали и гасли в темноте огоньки сигарет. И Юрию это напоминало сигнальщиков, которые, открывая и закрывая шторы прожекторов, понимающе переговариваются друг с другом световой морзянкой.

□ ИСПОРЧЕННЫЙ ПРАЗДНИК

Пепельное утро. Постепенно яснеют дали.

Ничего праздничного. Так же усыпляюще потакивает двигатель, тянутся бесконечные берега, редкие деревни.

Вот опять показались избы над рыжим обрывом. И стайка ребятишек вынырнула невесть откуда. Все в алых галстуках. Машут флажками, кричат.

— Да посигналь ты! — не выдержал Анатолий. — Они, может, целый месяц шили эти флажки, готовились встречать пароходы...

Саня опомнился, рванул рукоятку. Над рекой проревела сирена.

— Гляди, сразу успокоились, — заулыбался Анатолий.

Ребятишки и вправду примолкли, уселись на скамеечку рядом с девушкой, видимо, своей пионервожатой.

А на Саню от красных галстуков, от флажков и от детских улыбок пахнуло вдруг сегодняшним праздником. Тем, к какому привык: с демонстрацией, музыкой, песнями, смехом.

Не успела забыться подарившая праздничное настроение деревня, как снова на берегу — жилье. Сверкают желтизной домики. Чувствуется, что все они в каплях и потёках янтарной смолы. Дымится на вырубке развороченная бульдозерами земля. Тракторы, лесовозные машины стоят в ряд.

А на лоцманской карте до самой деревни Харино, слившейся с рабочим поселком Гайны, никакого селения нет и в помине. Только знак перевальный да на судовом ходу кружок с цифрой «455» — количеством километров от Камской ГЭС.

Идут по берегу вдоль новенького поселка нарядные девчата, косынки легкие вьются по ветру. Смеются залиристо. Дескать, и куда вы торопитесь, парни! Оставайтесь, поспрадуем!

Виктор что-то забористое кричит им.

Анатолий же сразу вниз, за гармошкой.

Завихрилась над рекой озорная мелодия. Быстрее пошли девчата, словно не желая отставать от судна. Веселее заплескалась вода вдоль бортов. А гармошка вдруг осеклась и повела: «Я трогаю русые косы...»

И уже лесной поселок позади. И скрылись из виду девчата. А гармонь все поет и поет, будто Анатолий торопится излить душу. «Вдоль крутых бережков...»

Ведет Саня самоходку по древней и бессмертной ре-

ке, величественной в ее весеннем разливе среди необозримых лесов.

Вот уже слева по высокому берегу разбежались дома поселка Гайны. Удобное место, огражденное с юго-запада невысокими увалами. Недаром «гаино» — по коми-пермяцки «беличье гнездо». Старейшее селение на Каме в пределах национального округа. По первой переписи Перми Великой в 1579 году в нем числилось семнадцать дворов «пашенных крестьян» и четыре пустых двора.

Весной 1875 года здесь впервые прозвучали пароходные гудки, пугая местных жителей и зверя в лесах. С тех пор сюда в большую воду заходили одиночные пароходы. Чердынские купцы, скупавшие пушнину, завозили на них муку и самые необходимые предметы хозяйственного обихода.

Сейчас по берегу среди старых деревянных построек белеют каменные здания. Вдоль длинных складов стоят самоходки, буксиры, баржи. Шумное оживление, полным ходом идет разгрузка.

А СТ-250 надо еще больше ста километров пробиваться против течения.

Наконец-то, вот она, отметка на карте — «501,5». Устье Весляны. Вода вокруг стала темной, с коричневым отливом, как крепко заваренный чай. Берега низкие. Ощетинился по сторонам затопленный лес, в узких местах навис кружевными сводами.

Юрий вышел на вахту озабоченный. Кокше хочется приготовить праздничный ужин для ребят. А заранее не побеспокоились. Продуктов вообще осталось только-только. И в Усть-Весляне видел ведь, что баржи-«крумынки» стоят. Склад на берегу. «Сотка» причалена возле буксира. Надо было подойти — может, чего-нибудь бы купили. Спихватился сейчас, когда прошли. Придется заворачивать в первый поселок лесорубов.

Вот и домики. Поселок Сосновский. И опять народ на берегу — по-легкому одетые женщины, ребятишки, празднично оживленные. Не успели подать чалку, как мальчишки подхватили ее и бегом припустили цеплять за столбик на кромке берега.

Кокша и еще двое прыгнули с самоходки. «Бабоньки! Где у вас тут магазин?» И пошли быстро по улице, скрылись за углом.

Саню окружили:

— К нам?

И хотя он отвечает, что не к ним, никто не торопится с берега и настроение ни у кого не портится. Все знают: скоро и к ним придет судно.

Вдруг как загалдят все.

Оглянулся Саня.

Подточила вода берег. Не выдержал столбик, пополз и рухнул в реку вместе с чалкой. Только Саня в три прыжка запрыгнул на палубу, потащило самоходку.

Из-за поворота — вот он, рукой подать — вывернулась «сотка». Как увидел ее Юрий, чертыхнулся. Не хватало еще при Мешкове под берегом шлепаться. Засмеет при случае. Надо хоть практиканта в рубку, чтобы руки были свободны.

— Саня! В рубку!

— Капитан! Почему остановка? Отходи!

Растерялся Юрий от окрика. Чего Мешкову надо? Вот черт! Он же старший каравана.

— К берегу, Саня! К берегу! — Передал Юрий штурвал — и вон из рубки, только дверка грохнула. Объясняется с мостика: — Люди у меня там! В магазине.

— Отходи! Заберу я людей, догоним, — гремит голос, усиленный рупором.

— Что-о? — взвился Юрий. «Ах он, толстобрюхий адмирал Котомкин!» — Чтобы я команду бросил! Иди... Своих оставляй, раз такой прыткий.

— Давай, давай, Саня! Повыше держи, к дереву... Налил глаза да и распоряжается! Не слышал еще, чтобы старший каравана так права качал.

Ткнулся Саня в берег — неудачно. А СТ-100 уже под самой кормой.

— Последний раз говорю, отходи!

А Юрий ушел в рубку и на «сотку» не глядит.

— Погоди... Сейчас мы с тобой потолкуем!

Зачаились, наконец, за дерево. Вздохнул Саня. Что-то сейчас будет. Достанется Юрию. Зря он с этим Мешковым связывается. Что гусей травить...

«Сотка» тоже подошла, подали с нее носовую чалку, завернули на кнехт. Стоит на ее мостике грузный человек в плаще с форменными пуговицами. Фуражка нако-со сползла, глаза водянистые. Уши кровью набрякли. Одной рукой крепко держится за ограждение, другой намахивает жестяным рупором.

— Капитан! Пройдите ко мне...

У Юрия руки длинные, сильные. Бросил их на леер, одним махом перекинул тело и зашагал по чужой палубе. Невысокий, собранный, в простой клетчатой рубашке, в распахнутом пиджачке.

Мешков тоже спустился с мостика и прямо при всех, кто был из команды вокруг, на Юрия:

— Самовольничаете! Так вас разэтак! Вас ждут. А вы так показываете свою сознательность! Акт составим на самовольную остановку.

— Вы... Вы мне про сознательность не поминайте. И акт не стану подписывать. Вы в таком состоянии, что...

— Забываетесь, капитан! Пройдемте в каюту.

Когда Юрий вернулся, ребята уже пришли из магазина.

— Ну что? — кинулся к нему Виктор.

— А, ну его! — махнул рукой Юрий. Он еще не успокоился, по шее — красные пятна. — Акт ему подпиши!

Психанул я. Думаю, гореть так гореть. И попер на него. Если, говорю, на меня — акт, то и на вас. За пьянку во время рейса. Вначале хорохорился. А ты, дескать, докажи, что я пьян. Но потихоньку отработал назад.

Из поселка уходили с испорченным настроением.

Солнце село, туман пополз над ивняками, звезды заискрились в небе. А они все шли и шли. Не сговариваясь, упрямо двигались вверх. Прошли деревню Зюлево, где встали на ночевку несколько самоходок во главе с «соткой», но не остановились. На ощупь, постоянно промеряя дно наметкой, приткнулись к берегу чуть повыше деревни со странным и гостеприимным названием — Забегаево.

Там, где остались суда, взвилась в небо зеленая ракета и, угасая, покатила вниз.

— Адмирал иллюминацию устраивает, — объяснил Виктор. — Как выпьет или праздник какой — давай пулять.

Саня только что вернулся с берега — крепил чалку — и теперь стоял вместе со всеми на палубе, слушал Виктора.

— Было раз дело. Лично я тогда отчудил. На стоянке как-то баловался он ракетами. Я к нему: дай стрельну разок, не приходилось никогда. Покуражился, покрутил ракетницу, потом отдал. Поднял я руку. Щелк. Щелк. Нет выстрела. Смотрю на Мешкова. А тот хохочет, захлебывается: «Да она не заряжена. У меня и ракет-то ни одной больше нет».

Виктор нахмурился, махнул рукой, будто ракетницу швырнул в воду.

— Обиделся я. Пошел в машинное отделение, включил осветительный движок и к себе. Приходит он вскоре: «Запусти движок, почитать хочу». — «Добро, — говорю, — будет сделано». Заело меня еще больше: ночь глухая, а ему свет подай. Взял я большую стеариновую

свечу и к нему в каюту: «На, Федорович! Жми из нее двести двадцать вольт. Авось получится...»

Посмеялись ребята — вроде светлей стало на душе. Отправились отдыхать.

Только поспать почти не пришлось. Чуть стало развидняться, завели двигатель.

«Сотка» догнала их, когда солнце было уже высоко, вровень с вершинами деревьев. На ее ходовом мостике, во вчерашней позе, опираясь на руку, стоял краснолицый человек в форменном плаще. Он махал совершенно ненужным ему рупором и ревел хриплым голосом:

— Молодцы, ребята!

□ ВСТРЕЧА В УСТЬ-ЧЕРНОЙ

Было от чего растеряться. По всему берегу — народ. В глазах рябит от высокого солнца, от цветастых платьев, косынок, рубах, от радостных взглядов. Вся Усть-Черная прихлынула к реке встречать гостей.

Саня едва разыскал среди бурлящего человеческого половодья вкопанный в землю столбик и набросил на него петлю причального троса. Он кинулся было обратно, чтобы принять с борта трап, но его окружили женщины. До чего ж разговорчивые они сегодня: не то из-за праздника, не то из-за причаливших к берегу новых людей.

— Что привезли?

— Сердешные, им и праздновать-то некогда...

... — Овсянка, крупа овсяная есть?

— Неужели и эти без овсянки...

— Да зачем вам овсянка? — удивился Саня. — Подумаешь, какая невидаль!

— Это в городе она ни к чему. А у нас... Вот сомлешь на жару, пить захочешь — заходи. Угостим...

Смеются женщины: не бывал, видно, парень в здешних местах. И продолжают судачить дальше — весело и озорно, распаленные маем.

Не успела самоходка по-настоящему стать к песчаному берегу со старинными дощатыми складами, как палубу заполнили ребятишки. Они стучали каблуками, шлепали сандалиями по нагретому металлу и тоже спрашивали, спрашивали:

— Вы откуда?

— Из Перми.

— Долго плыли?

— Семь дней.

— О-о-о!

Они старались забраться в каждый уголок. Бесцеремонно заглядывали в каюты, лезли в машинное отделение, поднимались на ходовой мостик. Им хотелось все ощупать, покрутить. Пока не утихла причальная суета, смельчаки пролезли в рубку. И уже кто-то вертел штурвал, кто-то отдавал команды. По очереди, счастливые, они смотрели в бинокль туда, где за поворотом скрывалась река.

За этой в общем-то невзрачной самоходкой им виделись далекие края, океанские пароходы, большие города, знакомые лишь по кино и книжкам. Почти никто из них не был дальше соседнего поселка, а ведь все они мечтают о неведомых странах.

Саня долго наблюдал за ними с палубы. Ему очень не хотелось спугивать их, но надо было отнести бинокль и лоцманскую карту в каюту капитана, закрыть рубку.

Оставшись наверху один, прибрав в рубке и закрыв ее, Саня оглядел судно и удивился. Ребятишки и не думали уходить. Они сидели кружком — мальчишки и девчонки — на крышке трюма, притихшие, внимательные. Они слушали. В центре кружка был Анатолий. Он что-то говорил, улыбаясь, увлеченно жестикулировал.

Саня понял, что их штурман, любознательный и добрый парень, рассказывает, наверное, о реках, на которых побывал, о солнечных восходах и закатах, каждый день новых, необычных, о трудном и увлекательном ледовом рейсе. И ему стало чуть-чуть неловко и завидно. Он-то не догадался поговорить с ними приветливо, рассказать что-нибудь. Ведь никто не торопил его...

А из поселка, из горластого репродуктора-колокольчика неслась веселая музыка. Сверкала под солнцем, всплескивала вдоль борта веслянская смуглая вода. По трапу поднимались с Юрием двое улыбчивых мужчин.

Ни за что бы не подумал Саня, что один из них — совсем молодой и такой обычный — директор здешнего леспромхоза. Второй оказался начальником отдела снабжения — главным получателем всех грузов. Он был по-лесному приветлив, разговорчив и прост.

— Поняли хоть, куда вас занесло? А? — смеялся он, больше всего обращаясь почему-то к Сане. — Кромка области! Коми республика рядом! Олени у нас тут разгуливают, как коровы на лугу. Зимой заходят. Снегу здесь меньше, а ягельники по сосновым борам богатые...

И добродушный, полнеющий мужчина с коротким за-тылком, уже крепко прихваченным весенним ядерным загаром, поплыл за капитаном в каюту.

Нет, никто не жал Сане руку, никто не благодарил его. Но здесь, в Усть-Черной, он по-настоящему почувствовал, как рады люди им, речникам. Он понял, что приход судов для местных жителей — своеобразный,

ставший традиционным, праздник, сигнал приближающегося звонкого лета.

Мимолетный разговор с женщинами, знакомство с ребяташками, встреча с простыми и свойскими начальниками словно раздули в душе Сани каленый уголек. Казалось, воздух потеплел вокруг и солнце приблизилось, стало лучиться сильнее. Саню охватило предчувствие чего-то еще более радостного, более счастливого. Ему хотелось сейчас любить всех людей, хотелось быть добрым и ласковым, красивым и чистым. Он узнал у Анатолия, что сегодня свободен от всяких дел, и заторопился в кубрик, чтобы переодеться.

По флотской привычке, перенятой от бывалых парней, Саня разглаживал брюки через газету. Утюг сухо скользил по бумаге, тупоносый и тяжелый, как ледокол. С силой, с нажимом — взад, вперед. Газета желтела, потрескивала. Темные буквы выгорали и блекли. Только слева, в стороне чернел крупный заголовок. Сане бросилось в глаза слово «караванов».

Караваны... И тут караваны. И он, Саня, с караваном в Усть-Черной. «Курс караванов»... Это уже что-то интересное. Саня отставил утюг, наклонился к листу. «Курс караванов — на север».

Газета печатала интервью с заместителем начальника управления лесной промышленности Западно-Уральского совнархоза. Старая газета, ребята перед отходом из Заозерья принесли с берега. Но как не прочесть написанное, можно сказать, о тебе самом. Разве удержишься...

«В этом году в леспромхозы и на сплавные рейды предстоит завезти более ста тысяч тонн различных грузов. Только горючих и смазочных материалов будет доставлено более 60 000 тонн, строительных материалов — 15 000 тонн, много разного оборудования, металла, продовольственных и промышленных товаров.

Чтобы перевезти столько грузов автомашинами, потребовалось бы почти 34 тысячи машино-рейсов. А если учесть, что лесные предприятия удалены от железных дорог в среднем на триста километров, то пришлось бы сделать более миллиона тонно-километров.

Учитывая сжатые сроки и громадное количество грузов, управление лесной промышленности совместно с другими организациями провело немалую подготовительную работу. Согласованы заявки на горючее, смазочные и другие материалы со всеми лесозаготовительными комбинатами и трестами. Эти заявки переданы для выполнения областному управлению Главнефте-снаб, Камскому речному пароходству и районному управлению Волготанкер. Разработан четкий график завоза грузов. Своевременно получены все наряды на строительные материалы, оборудование и металл. Большинство грузов подвезено к местам отгрузки. Недавно закончили грузить баржи хлебопродуктами. Продолжаются работы по отбору и погрузке продовольственных и промышленных товаров.

Надо отметить, что нынче леспромхозы и рейды севера лучше подготовились к приему материалов и продовольствия. Построены дополнительные емкости для бензина и масел на десять тысяч тонн. Это позволяет создать такой запас, которого предприятиям хватит на весь год. Раньше горючих и смазочных материалов едва хватало до половины зимы. Предприятия вынуждены были возить их бензовозами по бездорожью за сотни километров из Соликамска и Менделеево.

Приняты необходимые меры для механизации разгрузочно-погрузочных работ. На причалах и пристанях установлены подъемные краны, транспортеры и другие механизмы. И тем не менее на обслуживании прибывающих караванов будет занято до полутора тысяч человек.

Мы впервые завозим для леспромхозов двенадцать тысяч тонн каменного угля. Летом паровозы узкоколейных железных дорог будут переведены с дровяного топлива на уголь. По предварительным подсчетам, это позволит сэкономить по три рубля на каждом заготовленном кубометре леса. А если эту цифру умножить на количество древесины, заготавливаемой леспромхозами с узкоколейными железными дорогами, то экономический эффект составит внушительную сумму...»

Саня и не представлял такого размаха северного завоза. Он знал только о малых самоходках, идущих рядом, а все они везли продовольствие. Значит, где-то сзади еще торопятся буксиры с караванами барж, осевших от тяжелого груза. И не только сухогрузные суда Камского пароходства, но и нефтеналивные Волготанкера. И сколько таких, как он, впервые сойдут сегодня на незнакомый гостеприимный берег, к радостным людям!

Осторожно, чтобы не запачкать, не измять «обоюдоострые» брюки, Саня привалился к фальшборту. Рядом Анатолий задумчиво и лениво, словно нехотя, растягивал через колено свою неутомимую гармонь. Она пела тихо, вполголоса, но настойчиво и призывно, будто девушка в ожидании любимого. Она все пела и пела, а никто не шел и не шел.

На берегу возле самоходки было пусто. Близился вечер, и пожилые разошлись по домам. Молодежи на тихих улицах поселка тоже делать было нечего: клуб еще закрыт. Только на площади перед клубом одиноко бубнил что-то себе под нос разговорчивый колокольчик.

Виктор пытался развеселить друзей:

— Вот эти комары-то маленькие, наверно, еще детишки. Лично я думаю, есть большие, пенсионеры уже...

— Ага, прямо так с клюшками и летают, — поддержал Саня.

Но шутку никто не подхватил: говорить не хотелось. Все молча слушали зовущую песню гармошки, словно тоже ожидали кого-то.

Вдали показалась одинокая пара. Идет вдоль берега. Мимо, мимо... Нет, прямо к ним на трап. Девушка заробела, замешкалась на хлипком трапе. Парень — по пружинящим двум доскам, умело, уверенно, как к себе домой. Обернулся, подал подруге руку, поторапливает. Ступил на палубу — и сразу к Анатолию:

— Разреши сыграть...

По-своейски так, будто давно знакомы.

— Что для вас, парни? Могу любую мелодию. Любую песню, на заказ...

И пошел, и пошел без передыху. Заревела вся в белой пене Ангара. Загрустили молодые солдаты, ожидая солдат. Замаячили призрачные голубые города, у которых названия нет. А потом как повернул на танцевальные — и давай рвать меха: от «Марины» до самых модных песенок. А каблуками на одном месте так и ходит, притопывает. Гудит металлическая палуба — не усидеть внизу.

В кубрике у матросов были в гостях ребята с соседнего судна. Не стерпели, пошли на музыку друг за другом по крутому трапу. Только один встанет, выпрямится, голова другого покажется из люка. Парень, что гармонь расшевелил, смотрел, смотрел на них: на первого, второго, третьего, — не выдержал, оборвал песню:

— Много еще вас там? Давайте уж заодно!

Ждали, ждали — нет никого. И вроде чего смешного, а все захохотали враз.

Веселый парень отложил гармонь, церемонно перед всеми раскланялся, озорно сверкнул глазами:

— Прошу, пане, прощения. Забыл представиться... Адам!

— Прямехонько из рая? ..

— И всё грешишь?

— И да, и нет... Хотя от дерева житейского запретных яблок я вкусил немало, с Адамом тем в родстве не состою. Отец мой белорус, а мать — полячка, но сам я русским числюсь, — бойко продекламировал он, но не выдержал до конца, споткнулся, махнул рукой.

— Адам Левкович, короче говоря. Когда-то был моряком, теперь хозяин местных голубых дорог. Командую мощнейшей в леспромхозе водометной посудиною в сто пятьдесят лошадиных сил.

— Хорош Адамчик! Водно-музыкальный! — В тон ему одобрительно откликнулся Виктор.

Кто-то добавил:

— И Ева у него под стать!

Девушка, до этого с интересом наблюдавшая за всей сценой, засмушалась. А ребята заговорили оживленно, сгрудились возле компанейского гармониста.

Пока курили, на берегу возле сходен, откуда ни возьми, уже группа девчат. Стоят, переминаются — идти, не идти.

Виктор не растерялся, подскочил к борту:

— Прошу, лесные красавицы! Лично я вас давно жду. — И рукой плавно повел.

Одна прошла, другая. Глянул вдруг Виктор на себя. О, черт! В рабочем во всем: брюки в мазуте, стоптанные башмаки без шнурков. До того увлекся — забыл, что не одет. Ну, теперь ему пока не до гостей. Скатился в свою каюту, только ступеньки затараторили.

Саня за всем этим следил внимательно. Ткнул локтем Анатолия в бок. Хохочут...

Тесно на палубе в носовой части — на баке. Пожалуй, не развернуться в танце и одной паре. Потому стоят все — кто вдоль бортов, кто возле якорной лебедки. Стоят, слушают любимые песни, негромко подпевают.

А вот эта простенькая и немножко озорная — Саня впервые слышит ее — совсем про них, про ледовый рейс:

На меня надвигается
По реке битый лед.
На реке навигация,
На реке пароход...

Дальше — еще озорнее, и огня больше, и настроения.

Пароход белый-беленький,
Черный дым над трубой.
Мы по палубе бегали,
Целовались с тобой...

Лег вечер на воду, на суда, на поселок. Приблизил заречные таинственные леса. Летит над Весляной бесхитростная песенка. И вместе со всеми, радостно волнуясь, поет ее рулевой Саня. Словно о нем она. Словно это он сам думает о еще не сбывшемся.

□ БЕЛАЯ НОЧЬ

В клубе сегодня танцы. Он, как маяк, стоит на краю песчаной площади, настезь распахнув освещенные двери. И торопятся к нему на огонь парни и девчата.

Девчат больше. Самые смелые оживленно похохатывают, подергивают плечиками. Все придирчиво оглядывают друг дружку. Пусть себе где-то бродят местные парни. Девчатам не скучно. В зале полно паровозных. Незнакомых, таинственных и потому привлекательных. Ах, закружиться бы вон с тем, пышноволосям,

Закружиться бы, зажмуриться. И представить себя не в поселке, известном до последнего закоулка, а где-то там... Где? Какое это имеет значение...

Может быть, и не думали об этом девчата. Может быть, не так уж и обращали внимание на приплывших издалека парней. Но так казалось Сане. Его темно-русая голова не кружилась среди чернявых и светловолосых. Он стоял у самых дверей в зал и оглядывал танцующих.

Вдруг мимо него прошла девушка. Что-то было в ней очень знакомое, волнующее. Саня присмотрелся. Одета со вкусом, но и большинство здешних девчат — не хуже. Прическа, пожалуй, помоднее, посовременнее. Она сделана вроде бы небрежно, свободно и естественно. Тяжелые волосы плавно облегают круглощечное лицо, и от этого оно кажется овальным, удлинненным. Прикрывая уши, они лежат двумя тугими лепестками, отчего вся изжелта-светлая прическа похожа на весенний цветок — желтую купаву.

Но все это Саня видит впервые. А вот глаза... Да, глаза! Вернее, ресницы. Они так знакомы. Длинные, густые и сильно загнутые. Поэтому глаза кажутся большими и радостно удивленными. Как будто человек ежеминутно открывает в жизни что-то новое и необыкновенное. Даже припухшие маленькие губы ее чуть-чуть приоткрыты, словно в том же счастливом удивлении от своих открытий.

Так это ж она! Теперь Саня вспомнил. Он видел девушку в Заозерье накануне выхода в рейс. Вечером, когда кончили носить уголь, он ходил на почту. И вот там, по дороге...

Они шли рядом. Молодой рослый мужчина и невысокая девушка. Кругом было сыро и тускло. Влажное серое небо. Блеклые, с каплями на иглах, редкие елочки. Размокшая земля под ногами. Набухшие влагой доски забора.

Девушка была в выгоревшем плаще и шерстяном платке, завязанном под подбородком. Хотя резиновые ботинки часто скользили по раскисшей глине, она старалась не отстать от мужчины, который шагал легко и, казалось, не обращал на нее никакого внимания.

Они шли молча. Только когда вышли на дорогу и под ногами круто захрустел гравий, мужчина спросил грубовато:

— Ну что, попрощалась со своими пионерами?

— Попроща-а-алась, — протянула она. — Тебе легко говорить. А я чуть не разревелась...

Мужчина хмыкнул. И, не меняя взятого тона, заметил:

— Этак не только с ребятами. С любим, к кому привыкнешь, расставаться несладко. Сам не заметишь, как слезупустишь...

Они свернули с дороги в проулок. И Саня не дослушал разговора.

И вот теперь она здесь. Как она попала сюда? Неужели с одной из самоходок? Закрутилась новая пластинка, заиграла музыка. Саня решительно шагнул в ярко освещенный танцевальный зал...

Они возвращались на берег, когда в окнах уже погасли огни и улицы лежали сонными просеками. Короткая северная ночь вступила в ту пору, когда кажется, что дома, заборы, все предметы погружены в разбавленное молоко. Стало светлеть, и тишина еще больше сгустилась.

Лена торопилась на судно. В ноль-ноль по московскому времени начиналась ее вахта.

Лена держалась на удивление просто. Сдержанно, но без обычных в таких случаях таинственных недомолвок говорила о себе... После десятилетки она окончила те-

атральную студию в Перми. Да, конечно, она мечтает о большой сцене. Кто из студийцев не думает об этом... Но пока она хочет играть для ребятшек, для школьников. Ведь недавно такой она была сама. Осенью в городе должен открыться театр юного зрителя. Поэтому она никуда не поехала. Работает пионервожатой в школе, выступает в спектаклях народного театра. Ей хорошо нужно знать тех, кого и для кого она будет играть на сцене. Ведь столько делаешь открытий, когда каждый день среди них, живешь их интересами...

А мужчина, с которым она шла, — это ее старший брат. Он штурман на сто девяностой. Она уже несколько раз плавала с ним во время каникул. А нынче специально выпросила отпуск весной, чтобы сходить в северный завоз. Новые места, интересные люди. Все это ей очень нужно. Как же играть жизнь, если не знать ее. На самоходке у брата не хватало одного матроса, и она устроилась в штат. Зачем болтаться без дела...

Когда они были в зале, среди людей и музыки, Саня чувствовал себя уверенно и свободно. Танцевал, смеялся. Рассказал, как впервые увидел ее. А теперь, когда они шли вдвоем по пустынной улице, Саня вдруг оробел. Лена замолчала, и он долго не мог начать разговор.

— А знаете, — заговорил он, чувствуя, что и язык у него как будто окостенел, и голос какой-то глухой, противный, — Усть-Черная ведь очень старинное селение. Оно упоминается уже в акте завоевания Перми Великой Федором Пестрым. Правда, сперва оно было не здесь, а на том берегу Черной. Сейчас там кое-где лишь ямы да полусгнившие срубы...

«Проклятая книга! Не идет из головы. Начитался и несет — не остановишь. Больно ей интересно слушать о каком-то Пестром... Сам ты серый-пестрый!» Саня уже хотел было перевести разговор на что-нибудь другое, но Лена перебила его:

— Ой, что вы! А я и не знала. Рассказывайте, рассказывайте...

Это совсем выбило Саню из колеи. Он начал рассказывать об Усть-Черной, не зная еще, что будет говорить дальше. И теперь ему приходилось вспоминать на ходу.

— Ну, видно, и раньше русские люди бывали на Весляне. Потому что их конный отряд пошел из Москвы необычной дорогой. Хорошо известен был путь в Пермь Великую с севера, из Перми Вычегодской. Так назывались в древности земли, расположенные сейчас на территории Коми АССР. А Федор Пестрый подошел к границе Перми Великой с запада. К весне он был как раз здесь, в устье речки Черной. Валили лес, рубили плоты. И отправились в первое плавание по Весляне...

Постепенно Саня успокоился и рассказывал все, что знал, как заученный урок. И о покорении Перми, и об истории камского северного завоза, которым интересовалась Лена.

Потом ему сделалось опять легко и свободно. Лена переделалась и стала совсем простой, обычной девчонкой. На ней были подшитые валенки, телогрейка и шерстяной платок, тот, в котором она шла по Заозерью. Они сидели в рубке сто девяностой самоходки. Штурвал здесь был большой — огромное колесо с рукоятками, на котором поблескивали два латунных ободка. Лена продела руку сквозь спицы штурвала, припала щекой к рукоятке. И сидела так, маленькая, мечтательная.

Саня разошелся. Читал стихи, шутил. Вполголоса напевал ей новые песенки.

Лена говорила мало. Молча слушала и улыбалась. А потом тихо и раздумчиво, словно для себя одной, запела. Голос у нее совсем детский, девчоночий. В нем было столько искренности и наивного любования самой песней, по-весеннему искристой и светлой.

Там, где речка, речка Бирюса,
Ломая лед, шумит, поет на голоса,
Там ждет меня таежная, тревожная краса...

Лена пела про девчонку Бирюсинку, про речку Бирюсу, а мимо в рассеянном ночном свете плавно катила свои воды Весляна. Стояла чуткая тишь. Спали сосны в песчаных борах. Дремали по затопленным лугам березы. Лишь у самого дальнего судна было оживленно. Устало покрикивали грузчики, носили ящики, катали бочки для разбуженного маем древнего таежного поселка.

В обед сто девяностая уходила в обратный рейс. Сане совсем мало удалось поговорить с Леной. Он узнал у нее адрес школы и номер телефона. Кто знает — может, будет у него между рейсами время...

Интересно бывает в жизни. Встретишь незнакомого человека и проведешь-то с ним лишь несколько часов. А кажется, что знаешь уже давно. И не хочется расставаться так быстро. Становится грустно и одиноко, и только вера в то, что доведется свидеться вновь, согревает сердце...

Самоходка развернулась и бойко побежала вниз по извилистому водному коридору среди сосновых боров. Саня долго видел, как на ее корме, подняв руку, стояла под ветром освещенная солнцем девушка. В его ушах неотступно звучал голос Лены, словно она снова пела там свою светлую песенку:

Перед этим синим взором
Я — как парус на волне,
То ль ее везти мне в город,
То ль в тайге остаться мне.

Ему не хотелось идти сейчас на судно. Неуместными показались бы и шутки Виктора, и участливые слова. И Саня пошел в лес, где перекликались весенние птицы.

Стояла необычная в мае сушь. Калились на солнце медноствольные сосны и роняли тягучие слезы в сухой песок.

Каждое утро начиналось с перестука топоров. Пока грузчики сидели подле складов на солнышке, позевывали, лениво рядились с орсовским начальством, плотники наводили сходни. Ладили их старательно, чтобы к каждому трюму был удобный подход.

Потом был день — сосредоточенная беготня согнувшихся под тяжестью фигур. Со стороны все они казались Сане на одно лицо. Одинаково шутливыми, одинаково бойкими вначале и одинаково усталыми под конец.

К обеду на берег приходили жены или дети постарше. Приносили еду и обязательно — питье. Много питья. Кто квас, кто брусничный или клюквенный настой, кто круто заваренный остуженный чай. А запасливые счастливицы — бражку из овсяного солода.

Сане уже довелось попробовать ее. На вид непривлекательная: густая, мутная, с шапкой серой плотной пены. Но ядреная, хорошо и быстро бодрящая и к тому же еще и сытная. Это национальный напиток коми-пермяков, к которому быстро привыкают все живущие здесь. Только узнав об этом, понял Саня, почему в Усть-Черной женщины настойчиво спрашивали овсянку.

Ели грузчики долго, много и обстоятельно. Опрокидывали в рот сырые яйца. Шкурили колбасу. Резали белое, в три пальца, домашнее сало, пахнущее чесноком. Ломали на колене краюхи хлеба. И запивали, за-

пивали, припадая к эмалированным чайникам, берестяным тесам, жестяным бидонам.

Потом снова бегали. Снова прогибались под ними скрипучие сходни.

На первый взгляд все они были в работе одинаковыми. И лишь когда носили мешки с мукой с Саниной самоходки, он заметил, как разнятся грузчики один от другого.

Он стоял в дальнем конце высокого мрачного склада, освещенного двумя керосиновыми фонарями, и считал мешки. Их клали длинными рядами, столбик к столбику по восемь мешков друг на друга. Пахло керосином, мукой и потом.

Грузчики проходили по складу нескончаемой замкнутой вереницей. Бросали один мешок, на него второй, третий, четвертый; потом рядом клали три, дальше — два, один. Получалась лесенка. По ней поднимались и забрасывали мешки на самый верх рядка.

Одни шли с прибаутками, напевали, разок-другой пробегали по трапу бегом и все норовили кинуть мешок повыше, хотя не хватало нескольких «ступенек». Это были люди сильные и, как правило, молодые.

Вторые несли и клали мешки молча. И наверх лезли, и до самого пола кланялись, строго соблюдая порядок лесенки. Они все делали обстоятельно, не тратили на лишние движения понапрасну сил. Это был народ пожилой, еще в силе, не хуже молодых, но искушенный в жизни, умудренный опытом.

Третьи — среди них были и старые, и молодые — ругались по поводу и без повода. Зацепит мешком за стойку, шатнет его — он матюкнется. Поторопится освободиться от тяжести, спихнет мешок неудачно — опять разевает рот. Такому все неладно: трап неровный, в складе темно, мешок и тот попал неудобный. Эти все норовили делать

средние ступеньки. Самое легкое — как со своего плеча на плечо другого мешки перекидывать.

У Сани работа не сложная: знай палочки на бумажке проставляй. Смотрел он, смотрел на этих третьих и подумал о Петре, тоже грузчике. Вчера еще видел его — таскал ящики с «сотки». А в сегодняшней бригаде нет. Видно, металлолом на порожние самоходки грузит...

Познакомился с ним Саня в клубе, в тот день когда проводил Лену. Он сразу обратил внимание на этого незнакомого парня. Городская модная стрижка, чистый костюм. Видно, что изрядно выпил, а глаза светлые, грустные.

Он первый подошел к Сане и спросил:

— Чего не танцуешь, старик?

Саня и вправду не танцевал в этот вечер. Да и в клуб он пришел просто так, даже не переоделся.

— Разве в таких потанцуешь, — ответил он и выставил вперед ногу в тяжелом рабочем ботинке.

— Ты, я вижу, не здешний? Закурим...

Саня глянул на мятый «север».

— Нет, с самоходки. — Торопливо вытащил пачку «шипки».

— О-о! Давно их не курил. Я ведь тоже из Перми. Звать меня можешь просто — Петро. Только я по-другому сюда попал...

Саня чувствовал, что сейчас начнется длинный разговор. С этим ему уже приходилось сталкиваться: и в техникуме слушать ребят постарше, и со стариками разговаривать «за жисть». Ему было немножко неловко вот так стоять на виду у всех и слушать. Но еще труднее было сказать: «Отвяжись!» — и уйти.

— Вот ты о ботинках сказал. Я тоже о них сегодня вспомнил... Разве это танцуют! Мне бы мои черные ту-

фельки, фирма «Джон Уайт», английские. Голубой костюмчик, белую сорочку, бабочку. И еще бы мою Алку сюда. Эх, мы бы с ней дали!

Он пьянел прямо на глазах, и взгляд его еще больше грустнел.

— Ты что, тунеядец? — глупо хохотнул подошедший враскачку здоровенный парень с одной из самоходок.

— Тунеядцы дальше, — бесстрастно ответил Петро и, не договорив с Саней, казалось забыв о нем, шагнул к соседней группе парней.

С минуту он стоял, как бы раздумывая, и все смотрел на директора леспромхоза. Тот разговаривал с местными ребятами, хохотал вместе с ними, не скупился на шутки.

Петро наконец сделал еще шаг, решительно тронул его за рукав, как бы приглашая отойти в сторонку.

— Товарищ директор! Я грузчик, завербовался на год... Вы не подумайте, что я выпил, так поэтому. Я уже пятнадцать дней здесь; мог бы и раньше подойти. Не хотел. А теперь приперло. Помогите с жильем, всего одно место в общежитии.

— Вас же всех на квартиры устроили.

Саня хотел уйти. Но что-то заставило его остаться. Директор слушал Петра спокойно, не перебивал, лишь чуть-чуть одними глазами, иронически улыбался.

— Живу у стариков, — Петро резанул ладонью по горлу, — сыт, не хочу... Сорок пять рублей в месяц. Это с кормежкой. А чем кормят? Редька, квас, картошка. День поел, два поел — надоело. Да и брезгую я их. Старуха руки, наверное, не моет... Прошу, помогите! Я зайду к вам после праздника.

Оставив директора, Петро снова повернулся к Сане.

— Вот она, моя жизнь. А все почему? Пью много. Ах, какая у меня жена! Разве бы я ее оставил? Да сам понял, что надоело ей все. Сказала она мне: поезжай, по-

живи один — может, одумаешься. Уехал я, все ей оставил. А здесь опять то же самое...

Саня смотрел на него. Не ухарь, не блаत्याга. Побитый какой-то. В глазах собачья тоска... Жалко такого.

Захотелось уйти. Саня поискал глазами своих и обрадованно шагнул к дверям. Из зала, сосредоточенно глядя под ноги, словно боясь оступиться, медленно шел Анатолий. По-обычному невзрачный, маленький. Все в той же куцей кепчонке, простеньком пиджачке. Только брюки почище да вместо сапог — ботинки. Он тоже увидел Саню, заулыбался. И Саня вдруг почувствовал себя легко.

Сейчас, целый день наблюдая грузчиков, Саня думал о том, что в жизни, пожалуй, люди разделяются так же. Одни хотят прожить поярче, поинтересней, пусть и потрудней. И едут такие отчаянные головы хоть на край света. Другие, где бы они ни были, везде трудятся хорошо, на совесть. И еще подумать надо, кто из них — первые или вторые — больше достоин уважения. А третьи... Третьи — так, всегда в пристяжке. И дело вроде делают, да все через пень-колоду... Сами свою жизнь устроить не могут. Как Петро... Этот и в грузчиках-то, наверняка, не поднимается выше третьей ступеньки.

Из разговоров в обед да в короткие перекуры узнал Саня, что большинство из сегодняшних грузчиков — отличные механизаторы: трактористы, шоферы, лебедчики. Пока на лесозаготовках весеннее бездорожье, и сплав еще не начался по-настоящему — отчего не поразмяться, не подработать. Ведь раз в год приходит суда, стоят всего несколько дней. А уйдут — тогда снова в лес, на основную работу, до следующего половодья.

Уже вечерело, когда, с трудом отмывшись от мучной пыли, Саня по привычке отправился на площадь. Почти четверо суток пролетело в одночасье. Завтра чуть свет —

в обратный путь. Хотелось пройтись по поселку, зайти напоследок в клуб. Он все эти дни думал о Лене, и ему очень хотелось побыть в тех местах, где они бродили вдвоем.

Еще издали он увидел на заборе две афиши. Вспомнил прилетавший дважды за день вертолет, леспромхозовскую самоходку с необычными пассажирами, пришедшую из Гайн... Приехали артисты Кудымкарского драматического театра. Сегодня спектакль. Саня пошел к большому клубному крыльцу. А навстречу ему высыпали люди. Они расходились по домам. Они очень торопились. Больше всего было женщин. Они пересекали площадь и скрывались в улицах.

Возле клуба гомонила молодежь, степенно дымили папиросами мужики. Саня заметил немало знакомых лиц. Сегодня они целый день ходили мимо него с мешками. Потом обратил внимание на афиши. На одной — «Стряпуха». На другой — «Стряпуха замужем». А число и там, и тут одно.

И Саня все понял: сегодня два спектакля. Люди взяли билеты на оба. И женщины бежали домой, чтобы успеть за полчаса проведать ребятишек, подоить коров и снова вернуться в зал. Вернуться и войти в чужую жизнь, смеяться и плакать, по-житейски следить за происходящим на сцене.

Площадь опустела. Саня хотел было вернуться на берег, где последний вечер стояла самоходка, но увидел Адама Левковича. Тот размашисто шагал ему навстречу с приветливой улыбкой. Подошел, раскинув руки, стиснул Саню.

— Чего грустишь, мореход? Ведь утром домой. Или кто из местных царевен по сердцу царапнул?.. Не горюй, такая уж судьба наша. Пойдем-ка лучше к нам в общежитие. Посидим, языком потравим.

Он подхватил Саню под руку и тихо зашел:

А завтра, может быть, проститься
Придут девчата, да не те.
Ах, море — синяя водица.
Ах, голубая канитель...

И они пошли рядышком: один — еще не определившийся в жизни, восемнадцатилетний, а другой, лет на десять старше, — уверенный в себе и щедрый от этой уверенности человек.

□ ЗЕМЛЯ ЭТА — МАТЬ ИЛИ МАЧЕХА?

Общежитие — сборный щитовой дом: четыре скрипучих крыльца, четыре двери, по две на каждом торце дома. Квартира — кухонька с плитой и комната на три койки со столом посередине.

Адам достал из тумбочки бутылку рислинга, прозрачного, искристого, с красной целлофановой маковкой.

— Мой любимый Абрау-Дюрсо. Пять лет по соседству с этим винным комбинатом провел в Геленджике да Новороссийске. Пристрастился там к сухому: полезно и голову не туманит, чистый виноградный сок. А здесь этим редко балуют.

Разлил по стаканам, пододвинул Саню:

— Ну, давай за вас, речников. Вы доставили. Какой-то торгаш ящиков двадцать этого добра послал.

На крыльце кто-то затопал, рванул дверь. Ввалился грузчик Петро.

— А-а, знакомая публика. Привет, старики! — Сел на аккуратно заправленную койку, вздохнул: — Ты, музыкант, не гони меня. Ребята сказали, что тут временно койка пустует. Пустишь?

Адам чуть заметно поморщился, поставил третий стакан.

— Живи...

Не вставая с койки, Петро лениво дотянулся до стакана. Отпил, перекошил губы:

— Кислятина марки «Старая дева». Ничего не мог придумать получше?

Адам, видно, смирился с присутствием незваного гостя, добродушно сверкнул глазами:

— Ты и без меня уже придумал.

— Было. Засосали на двоих.

Устроился поудобнее, закинул ногу на ногу.

— А как обойдешься без этого? День вкалываешь, потом что? Скукота. Все по своим углам, как медведи в берлогах. Суббота, хоть танцульки бы... Спектакль — кому он нужен? Тоже мне, Кудымкарский театр. Кое-что и получше их видели...

Адам спокойно крутил в сильных пальцах тонкий прозрачный стакан, снисходительно глянул сквозь него на грузчика:

— Это ведь кому как. Иному и в большом городе скучно, среди шумной толпы — пусто. Мается, бедный, не знает, куда себя деть.

— Ну, не скажите вы мне... Вот ты белорус. Знаю я, много вас тут таких переселенцев, Лосеровичей-Ничиперовичей. Чего ты здесь киснешь? Минск, говорят, не город, а хрустальная мечта моей юности. Вечер — всеми цветами огни сверкают. Девочки по гладенькому асфальтику гвоздиками туки-туки... В ресторанах — музыка. Хотел бы туда и жил во все свои тридцать три удовольствия.

— Чего мне Минск. Не бывал и не тянет. Вот закончим сплав, поеду в октябре опять в Геленджик. Море! На теплоходе с ребятами в рейс схожу. Целый месяц вольному воля. Хватит мне. А потом снова сюда — в эту берлогу, как ты говоришь. Зимой на тракторе, с весны — на катер.

Поглаживая светлые волнистые волосы, Адам смотрел на Петра и разговаривал с ним явно насмешливо, но старался не показывать этого. Он сдерживал свои губы, готовые без конца улыбаться, и потому очертания его маленького рта казались сухими, строгими.

Петро поднялся, нетвердой рукой ухватил бутылку, плеснул в стакан. Заходил по комнате.

— Да я не об этом. Одно мне непонятно. Выселили вас сюда. Кого — за дело, кого — за здорово живешь, за компанию. Но ведь срок-то давно прошел. Отжил свое и хватит. Валяй на землю предков, где жизнь потеплее, — наслаждайся. Чего вы тут приросли?..

Сначала Саня не понимал, о каких белорусах, о каких выселенных идет речь. Теперь вдруг все разрозненное и недоговоренное, что пришлось услышать за последние дни, слилось воедино.

Девушка-приемщица из береговых складов мимоходом обмолвилась, что построены они давно, еще поляками в тридцатом году. И на самом деле, среди белорусских фамилий жителей поселка немало встречается и польских... Едва различимая надпись на дверях склада: «Расписуюсь на долгую память. Гражданин Лентовский. 10/V 31». В книге о Коми-Пермяцком национальном округе, изданной Академией наук СССР в 1948 году, той самой, что дал ему почитать Анатолий, тоже говорится об этом. «Островки русского населения встречаются по Верхней Каме, вдоль ее долины — выше Гайн, по Весляне и в низовье Косы. Здесь много переселенцев 30-х и более поздних годов XX в.». «Нынешний поселок

Усть-Черная возник в 1930 г. с организацией здесь лесозаготовок...»

Значит, родители Адама тоже были среди первых поселенцев, приехавших сюда не по доброй воле. Это были кулацкие да поповские семьи, а вместе с ними много таких, кто не разобрался еще в обстановке, четко не определил своего отношения к молодой Советской власти, к коллективизации, и потому противился новому. О них, надолго попавших в северные суровые края в общем-то за здорово живешь, и говорит Петро...

Только чувствует Саня, что не туда гнет этот недвольный жизнью человек. Услышал звон, а разобраться толку не хватило. Вон и Адам сидит слушает его, не перебивает, а сам все больше и больше хмурится. В глазах уже ни одной насмешливой искорки. И пальцы по столу беспокойно заходили.

А Петро опять развалился на койке, подушку под спину жамкнул, глаза под козырек кепки спрятал, трясет пепел сигареты на одеяло.

— Ну и земля! Кого только тут нет. Сплошной интернационал. Нет, я бы ее на вашем месте лютой ненавистью ненавидел. Дня бы не задержался, как разрешили. Мачеха ведь она вам, земля эта... Я сам каюсь теперь: приехал сдуру. Срок договора кончится — умоляю отсюда к чертовой маме... Ах, ах, энтузиасты, обживатели новых мест!

И Петро запел, гримасничая:

Станем новоселами и ты и я... Согласен: ты — пожалуйста, а я — увольте!

— Слушай, ты, всезнающий пуп земли! — не выдержал Адам. — И откуда в тебе столько злости, кто тебе на хвост наступил?

— А что, не нравится? Правду режу — не нравится?.. Едут. Обживают. За денежки. За рублики. Звонкая монета. Понял? И нечего тут красивые слова говорить...

Вот ты здесь за лето на сплаве сколько калымишь? Два куска с лишним. А уедешь — что? Только-только единица два нулика. Вот и держись здесь. Так и скажи прямо, а то...

Адам побледнел, стиснул кромку стола — побелели суставы пальцев.

У Петра осунувшееся небритое лицо еще сильнее заострилось. Узенькое нервное лицо с оскалом желтых неровных зубов. Руки, вылезшие из коротких рукавов выгоревшей гимнастерки, подрагивают. Немытые руки с траурным ободком под ногтями.

И уже не жалость, как в тот раз, в клубе, вызывает его вид у Сани, а гнев. Ишь ты, разорался. Да он мизинца Адама не стоит. Смазать бы ему по губам, чтобы попридержал свой язык.

Петро вскочил с койки, голос его сорвался на хриплый крик:

— Мачеха она тебе, эта пермяцкая земля! Брось прикидываться!

— Тебя кто сюда звал? — вспылил Саня. — Чего скулишь? Иди повой на луну — полегчает. Гони ты его, Адам! Еще в одной комнате жить с таким... Да его на порог пускать не надо.

Загремел отброшенный стул. Адам резко поднялся. Кожа на скулах натянулась втугую. Голубые глаза застыли — холод в них, лед.

Петро попятился к двери:

— Но-но! Полегче.

Саня смотрел то на одного, то на другого.

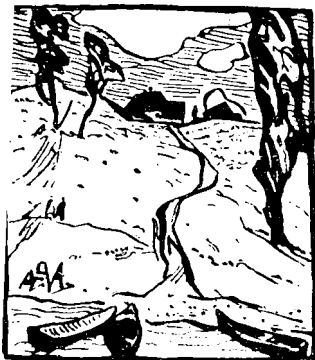
Адам повернул стол. Испуганно звякнули стаканы.

— Катись отсюда, клоп! Раздавлю! Тебе вся земля — мачеха.

У Адама вдруг дрогнул голос.

— А мне она и здесь мать. Слышишь, ты? Мать родная!

□ ВОЗВРАЩЕНИЕ АДАМА

Крепко растревожил Адама залетный человечиска. Долго ходил Левкович по комнате, не обращая внимания на Саню, ненасытно курил сигарету за сигаретой. В памяти его невольно вставали кусочки не очень-то уж долгой, но нелегкой скитальческой жизни, омраченной с самого детства. От всего этого стало еще тяжелее, неуютнее на душе. Захотелось выговориться, поведать кому-нибудь о своем, самом сокровенном.

Саня хотел было уж оставить Адама одного, но тот присел рядом, хлопнул рукой по колену, проговорил тихо и немного печально:

— Так вот, Санчик, и живем. Легко нас обидеть походя, а мы должны своего держаться. Зубы стиснуть и — вперед, только вперед. Никакого тебе заднего хода! Если даже нас и в прошлое носом тычут. А прошлое у меня непростое, как говорится, с закавыкой. Да и не у меня одного. У некоторых судьба посложнее...

Саня молчал, не перебивал Адама. И тот, не торопясь, раздумчиво, словно для себя самого, стал рассказывать о том, как оказался в Усть-Черной, уехал и потом снова вернулся на веслянскую землю — свою родину.

Осень уж спалила лиственные леса в заречье и всю прореживала, просветляла их. Но в эти дни выдалось такое солнце и тепло, что не мудрено было подумать о купанье. Тем более Адаму, давно не бывавшему в здеш-

них краях, привыкшему к южному, согревающему, тело морю.

Но никогда, наверное, Адам не одевался так быстро, как после этой осенней купели. Нижняя челюсть у него вдруг задрожала, словно рука на телеграфном ключе, выстукивающая сигнал бедствия. Сколько он ее ни сдерживал, она не унималась. Кожа на руках пошерохователа и натянулась. Не успев надеть туфли, Адам в одних носках начал приседать, приплясывать на паре новеньких черных валенок.

Валенки эти он купил неожиданно для себя. В магазинчике, куда он забрел, слоняясь по Гайнам, было сумрачно, пахло ржавой селедкой, лежалым табаком и нафталином. Возле прилавка толпились с десяток покупателей. Они мяли меховые шапки, придирчиво пробовали пальцами подошвы добротных валенок. Адаму давно не приходилось носить их. Он вдруг вспомнил, как трудно было тогда в лесу с теплой обувью. Валенки нигде не купишь. Они входили в спецодежду, да и то доставались не всякому. Их подшивали для крепости автомобильными покрышками, латали-перелатывали, пока не оставались лишь одни голенища, мятые, проношенные на сгибах; да и они годились еще на ушивку.

Еще не зная, пригодятся ли ему валенки, Адам решительно протиснулся к продавцу. Он так и пришел с ними под мышкой на пустынный берег...

Уняв дрожь, Адам вспомнил, что почти босой, увидел под ногами свою покупку и обрадовался. Через минуту он сидел на бревне, загорелый, в светлом костюме и черных валенках.

Он сидел и оглядывал тихую обмелевшую реку, безлюдные песчаные пляжи, протянувшиеся на несколько километров, маленькие катера, приткнувшиеся подле складов. Он думал о том, что там, где он недавно был, по-прежнему шумит курортный городок, дышит неогляд-

ное, даже в спокойствии своем беспокойное море. Ему не верилось, что между этим и тем стоит всего лишь пять, каких-то пять дней, круто повернувших жизнь.

Тогда, в Геленджике, у Адама выдался между рейсами свободный день.

Возле берега плескалось мутное море. Оно лениво плевалось огрызками яблок, корками арбузов и дынь. Курортный сезон был в разгаре.

Шумные толпы на набережной, в садах, кишачие разноцветными купальными костюмами пляжи — ничто не привлекало Адама. Все это было привычным, набившим оскомину. Хотелось тишины, одиночества. Он вдруг поймал себя на том, что такое с ним уже не в первый раз. Какое-то недовольство, неопределенная тяга куда-то. Адам взял на прокат ялик и заплыл чуть ли не на середину круглой бухты — подальше от купальщиков, от парочек на лодках, от прогулочной дороги назойливых полуглиссеров. Он долго лежал в лодке, сложив весла. И долго вокруг него были только море и небо.

Небо — лукавый обманщик: прикидывается славным, согласившимся собеседником. Оно вроде бы не докучает тебе, не настаивает на своем. А само исподволь манит неизведанной глубиной, неохватной ширью. Дескать, вот я какое — куда тебе до меня, да и много ли ты знаешь хотя бы о том, что подо мною...

Море тоже сладко шлепает о крутые борта, убаюкивает. Вкрадчиво воркует и воркует, все настойчивее, все увереннее, и вот уже зовет сплошной глубинный гул... Словно потянул радостный для морехода попутный ветер. Ставь паруса — и в путь...

К вечеру, когда Адам возвращался на лодочную станцию, в рыбацьем порту он увидел новенький траулер. На его лоснящейся краской скуле сверкало белилами: «Весляна». Словно кто-то весточку неуверенно подал: дойдет, не дойдет...

Слились море и небо воедино, в сплошную южную темноту, которую до самого горизонта мерно прокалывал красным лучом входной маяк. Адам сидел на веранде, крытой стареньким тентом, отчего это кафе всегда и называли романтично, на старинный манер: «Рваные паруса». Он сидел с малознакомым местным матросом-спасателем.

Это был отчаянный парень, любитель острого морского словца. Адаму он запомнился тем, что однажды на его глазах до истерики напугал курортных дородных дам. Он, как обычно, патрулировал вдоль пляжа. В его лодке сидела девочка лет четырех в купальнике. Вдруг матрос поднял ее и швырнул в море, а сам сел за весла. На пляже раздался вопль, визг... Матрос улыбался во весь рот и уплывал все дальше от берега. И только теперь все заметили, что девочка уверенно плывет за ним. Ведь это была дочь моряка, отличного пловца.

А теперь он сидел перед Адамом и грустил. Он рассказывал о том, что вырос на Дальнем Востоке, а судьба забросила сюда. Он тоскует по снегу, по лыжам. Ведь когда-то ходил по первому разряду... «Иногда зимой встану утром и думаю: вот выгляну в окно, а кругом все искрится под морозным солнцем. Белым-бело. И над трубами столбами стоят дымы...»

Ночью Адаму приснился сон. Будто стоит он по колено в снегу. Кругом сосны, заиндевелые, высокие. Глянешь на верхушки — голову кружит. И будто начали падать эти сосны, с уханьем, с придыханьем, густо осыпая снег. Пушистый, мягкий снег падал на Адама, таял на лице и скатывался прохладными каплями.

Проснувшись, он долго лежал с открытыми глазами. За окном шел дождь. В открытую форточку залетали капли, мелко брызгали на лицо. Уже светало. На стекле был виден преждевременно сорванный ветром еще совсем зеленый пятипалый лист клена.

Через неделю неожиданно для товарищей по команде Адам списался с теплохода, и скорый поезд Новороссийск—Москва понес его в среднерусскую осень.

Почти неделю сидел Адам в Гайнах, ожидая okazji. Осень стояла сухая, реки сильно обмелели, и катера на Весляну не ходили. Наконец, он узнал, что два небольших водометных катера в паре потянут в Усть-Черную орсовскую баржу-плоскодонку.

С утра Адам уже сидел на берегу. Как всегда, собирались долго и бестолково. То не было одного, то другого. Народу пришло много. Тесные каютки катеров заполнили начальство и женщины с ребятишками. Адаму пришлось устраиваться на барже вместе с веселыми ребятами-призывниками.

Дул северо-восточный мозглый ветер. Он ерошил серую воду, кропил все вокруг мелким осенним бусом и грудил над лесами хмурые снеговые облака. Адам собирал вдоль берега чурбанов, обломков досок, разбитых ящиков. Раздвинув возле самого борта бочки с селедкой, он выстелил пол, сделал навес. Получилось уютное логово, где полулежа можно было с грехом пополам коротать неблизкую дорогу. Вот где Адаму сразу же пригодились валенки. Остальные пассажиры поглядывали на него с завистью.

Катера тянули медленно, с натугой. Баржонка неприкаянно болталась за ними на длинном буксире. Холодный ветер быстро остудил призывников. Нахохлившись, они грудно сидели на корме и тихо переговаривались.

Адам глядел на пустынные пески, на голые кустарники по берегу, на неуютный предзимний мир. И ему невольно думалось о том, как много лет назад в эти дикие места попали его отец с матерью. Он знал по рассказам, что добирались они сюда долго и тяжело. До Гайн несколько дней тащились по разбитой дороге на подводах.

А по Каме и Весляне поднимались вот так же, на барже, только еще медленнее. Было холодно и голодно. Тревожила неизвестность, пугали угрюмые, непроходимые леса.

Неприветливо встретили поселенцев здешние места. Зимовать пришлось в землянках; и кто выжил, того уж после нельзя было испугать никакими трудностями и житейскими тяготами.

Мать сильно простудилась в ту зиму и долго болела. Адам помнит ее очень смутно: она умерла, когда ему не было и пяти лет. Второй раз отец не женился, так и жили они, два необласканных мужика.

...Уже ночью, когда совершенно не стало видно реки, катера ткнулись в берег возле поселка. Ночевать все пошли в контору лесопункта.

Адам устроился на низком железном ящике — самодельном сейфе — и двух стульях. Он долго не мог заснуть. Жестко. Ни ног во всю длину не вытянешь, ни повернешься. В соседней комнате рассказывали анекдоты и хохотали взахлеб отогревшиеся в тепле стриженные призывники. Они ехали домой, чтобы собрать вещи и со дня на день ждать окончательного вызова в военкомат. В мыслях они уже были не здесь, а в своих частях, в не виданных еще ими больших городах или на далеких границах.

А у Адама все это было уже позади.

Он рано начал работать, совсем пацаненком, проучившись в школе всего семь лет. Поскольку был малолеткой, работал где придется — на подхвате. Потом уж стал чокеровщиком, цеплял за трактор спиленные лесины. Присился на курсы, да годы не вышли. Тогда прямо в лесосеке знакомые ребята научили его водить трактор, и вскоре Адам знал его, как таблицу умножения.

На восемнадцатом году он остался совсем один. А вскоре пришла повестка в армию. Служил он в строительных частях, занимался знакомым делом — водил

бульдозер. Частые переезды, новые дороги, мосты — страницу за страницей разворачивала перед ним нескончаемая книга жизни. Демобилизовавшись, он очутился в Новороссийске, закончил курсы судовых мотористов и, казалось, надолго осел в теплых южных краях.

Погода словно сдурела. От недавних золотых дней не осталось и следа. Уже на подходе к УстьЧерной небо сыпануло мокрым снегом. Первый осенний снег падал на бочки, на одежду, на мутную воду и тут же таял. Адам ежился под ним и жалел, что уже разворошил свое логово.

Он теперь стоял на носу баржи и смотрел вперед, где за последним поворотом вот-вот покажутся старинные склады на берегу и избы поселка. Там, на окраине, должна стоять их избушка. Отец собственноручно срубил ее уже после смерти матери, не захотев больше жить в бараке. Цела ли она? Кто живет в ней? Узнают ли его?

Адам разволновался и мысленно подгонял тихходные катера, хотя его никто не ждал в Усть-Черной.

Эх, если бы жив был отец! Он вдруг встал перед глазами Адама таким, каким был в последние годы. Окладистая с проседью борода, крючковатый нос, некогда голубые, поблекшие глаза. Они были светлые, ласковые, но когда отец в гневе, в них сверкала такая сталь, они так холодели, что становилось жутко.

Отец был отличным плотником, многое построил своими руками. Он весь отдавался работе, и за это все уважали его и прощали очередные выкрутасы. Непокойного был он нрава. Не боялся ни бога, ни черта, под горячую руку так честил начальство и власть, что даже выдавшие виды мужики хватались за головы.

Иногда на него находила хандра. Он напивался, сидел в избушке, стучал кулаком по столу и, глядя в пустой угол невидящими ледяными глазами, грозился уехать

отсюда, от этой проклятой земли. Потом пьяно всхлипывал, вспоминал жену, жалел своего Адамчика и лез к нему целоваться.

Часто он собирался уехать на родину, как это сделали уже некоторые, но проходил день-другой, его снова захватывала работа и все оставалось по-старому. Он так и умер в своей избушке, на этой, по его словам, любимой земле, где прошло больше половины его жизни. На земле, политой его потом, им оживленной, им растрепанной.

Он лежал на деревянной кровати, лохматый, с запавшими глазами и еще больше заострившимся носом. По его задубелой щеке катились слезы, а он уже не мог стряхнуть их — не слушались руки. Они лежали поверх лоскутного одеяла, эти беспокойно скрюченные руки, все в темных прожилках. Отец пытался пошевелить ими, хотел повернуть голову. Он, видимо, силился что-то сказать Адаму, но только мычал, и крупные слезы скатывались по извилистым морщинам.

Он считал, что не любит эту, вначале совсем чужую для него, землю. Но постепенно, год за годом, она все сильнее притягивала его. Он рвался домой, да все откладывал на потом, еще не подозревая, что душой уже навечно прикипел к этим местам. Здесь была его жизнь, здесь был его многолетний труд, здесь был его дом.

Но он злился на себя за то, что не уехал. И плакал от слабости, чувствуя, что привязанность к этой земле оказалась сильнее его.

Может, об этом он и хотел сказать перед смертью?

Во всяком случае так казалось теперь Адаму. Он стоял на носу баржи и смотрел на окруженный сосновыми борами показавшийся за поворотом родной поселок.

И у него необычно сильно, отдаваясь звоном в ушах, колотилось сердце.

Нелегко вести судно в полную воду по крутой Весляне. Руки Сани словно приросли к штурвалу.

Поворот — за кормой смыкается лес. Поворот — впереди открывается небольшой пролив. Опять поворот. Ощущение у Сани такое, будто он крутит по черной дорожке гигантский слалом. Чуть оплошал, замешкался — и самоходку бросит в лес, на затопленный берег.

Судно катится вниз. То и дело Саня поднимает левую руку к рычагу — дает сигнал — и снова бросает ее на гладкое кольцо штурвала. Тревожно, как заблудившаяся овца, ревет сирена. И знают на леспромхозовских и сплавных катерах, на лодках с подвесными моторами: надо убираться с фарватера под защиту берега — не быть бы худу. Взлетают испуганные утки. Взлетают и снова садятся впереди. Целое утиное царство.

А по берегам, на плотбищах — штабеля. В Серебрянке это уже не штабеля, а целые горы леса. Они тянутся на несколько километров, достигая десятиметровой высоты. Некоторые уже затоплены водой. Но лес не плышет, он заранее обонован — огражден плавучими бонами из бревен. Еще неделя-другая, закроют Керчевскую запань — и поползет древесная лавина по рекам и речкам.

Их здесь немало. На лоцманских картах Весляны и Камы только и видно, то слева, то справа, — устья, устья... С семисот тысяч гектаров собирает воду лесная красавица Весляна длиной в триста десять километров. Де-

вятнадцать ее притоков пригодны для сплава древесины модем. Самые большие из них Черная — длиною сто шестьдесят и Утьва — сто двадцать километров.

А сколько еще сплавных рек впадают в Каму выше Керчево! Слева, как и Весляна, — Лупья, Леман, Пильва, Южная Кельтма с двумя крупными притоками Лопьей и Тимшером. Общая протяженность всех этих рек без малого тысяча километров. Справа в Каму впадают Уролка, Коса с притоками Лопвой и Лологом. Длина этих сплавных магистралей восемьсот километров.

За навигацию Керчевский рейд пропускает почти четыре с половиной миллиона кубометров древесины. И всю ее доставляют к запани реки бассейна Верхней Камы, протекающие по самым богатым лесом районам области.

И не только древесину сплавляют по этим рекам. Еще недавно на Весляне или Верхней Каме можно было увидеть плывущий плот. А на нем чего только нет: мычит корова, кудахчут куры, детишки сидят. А что остается делать некоторым семьям, которые за десятки километров переезжают из одного лесного поселка в другой? Сами они могут переехать на катерах, пассажирских самоходках. А скот, громоздкое имущество куда?

А в Усть-Черной, разговорившись с одним грузчиком — веслянским старожилом, Саня услышал о беспримерном проплаве. Во время Великой Отечественной войны целый механизированный лесопункт переехал с одного места в другое — из Дозовки в Булатовку. По Весляне были сплавлены контора, столовая, клуб, склады, жилые дома, все оборудование. Нет, не зря реки называют голубыми дорогами.

«Нелегко, видно, им пришлось», — думает Саня, глядя на приближающийся новый поворот. Вода идет вправо, за нависшие лесины. И влево тоже течение. Сильная струя с пенистыми пузырьками на поверхности здесь даже заметней.

Саня крутанул штурвал влево. А сам — в лоцманскую карту. Листы длинные, потрепанные, гнутся. Ветер, задувая в поднятое стекло, ворошит их — никак нужный не найдешь. Вот, кажется, этот участок...

А судно все больше и больше катится влево.

На носу Анатолий с Виктором сидят лицом к рубке. Анатолий рассказывает Виктору про хитрости полноводной Весляны.

— Вот и Оленьи рога.

— Почему рога?

— Река здесь расходится на два рукава, а от них еще несколько проток — как рога ветвистые.

Виктор обернулся, посмотрел в правую протоку, увидел красно-белый перевальный знак на берегу. Глянул на нос. Что такое? Нос — все влево, влево, заправляется в несудоходную протоку. Не поверил.

— А поворот здесь какой?

Анатолий тоже повернулся. Вскочил, рукой замахал:

— Саня! Куда ты, черт тебя дери! Пра-а-а-ва! Пра-а-а-ва держи! — И со всех ног — в рубку.

Саня только-только нашел нужный лист, глянул на хитрое речное колено. А тут крик заполошный.

Руль — круто вправо. Завертел штурвал, только шестерни затрещали в рулевом приводе.

Нос судна медленно стал останавливать свой бег, замер на мгновение и пошел вправо. Э-э-э, поздно! Мыс между развилкой — вот он. Носом самоходка уже в правый рукав нацелена, а бортом ее все еще несет на затопленный лес.

Влетел Анатолий, ухватился за вентиль, закрутил что есть силы — дал самый полный ход, на какой способен старик-двигатель. Корма прошла впритирку к лесинам, захлестали зацарапали по надстройке сухие ветки...

Пронесло!

Анатолий сам встал к штурвалу. Саня достал сигареты. Долго не мог прикурить. Зажженная спичка металась в руке вверх-вниз и никак не хотела останавливаться.

А судно продолжало стремительный бег. Мелькали мимо, как штыки, нацеленные в реку верхушки подмытых половодьем деревьев.

Скатывались вниз быстро. В три часа утра еще были в Усть-Черной, а теперь позади уже осталось триста тридцать километров.

За день, пройденный с севера на юг, можно было видеть, как обволакивает землю весна. На Весляне, в верховье, на ветках затопленных кустарников — наглухо закрытые почки. Близ устья они уже позеленели. А здесь, на Каме — лопнули. Даже на березках трепещут бледные листочки.

Солнце садилось тусклое, похожее на подрумяненную луну. В небе и на воде совсем мало розового — обычная предвечерняя серая голубизна, чуть-чуть порозовевшая около самого диска. Солнце не садилось, а таяло. Сначала его перечеркнула двойной полосой серая дымка, постепенно обволокла совсем. И оно расплавилось, не доходя до высокого берега.

Днем на судно залетали ворчливые шмели, запархивали бабочки, садились трясогузки. Сейчас в вечерней синеве прогудел майский жук и скрылся в лугах. Было прохладно. Но с берега шли волны тепла и аромата зацветающих лугов. Тускнели дали.

Анатолий не выдержал. Сильно потянул носом, подался вперед:

— Чувствуешь, Саня? Земля ожила.

Саня достаивал последние часы. Уже вышел на свою капитанскую вахту Юрий — с десяти вечера до четырех утра. Он молча курил у бокового окна рубки, изредка

подносил к глазам бинокль. Идти было трудно. Сумерки сгустились. А огни горели не на всех обстановочных знаках.

После темноты надвинулось на судно сверкающее Керчево. Берег весь в огнях. И на воде — огни, огни... Стоят суда у причалов, работает землечерпалка, обозначены наплавные сооружения крупнейшего в мире сплавного рейда.

Когда реку перекроют запанью, этот завод на воде раскинется на несколько километров. В работу включатся тысячи людей и сотни механизмов. Через несколько ворот, сделанных в запани, лес поплывет в специальное плавучее сооружение — сортировочную сетку. Здесь его будут подбирать по качеству и длине и равномерными порциями подавать к сплочным машинам. Эти могучие агрегаты плотно сжимают древесину в пучки объемом по двадцать пять кубометров и обвязывают их проволокой. Пучки буксируются катерами вниз, на соседний — Тетеринский — рейд с центром в Тюлькино. Здесь из них формируются плоты и отправляются вниз по Каме на стройки, бумажные и деревообрабатывающие предприятия, по Волге в безлесные районы страны.

За навигацию с Тетеринского рейда уходит в плотях около пяти миллионов кубометров леса. Чтобы перевезти его по железной дороге, понадобилось бы почти пять тысяч эшелонов. Вот как разгружает сплав стальные магистрали.

Сейчас на рейде даже днями пока тихо. Идут лишь подготовительные работы.

Юрий посмотрел в бинокль на разлив огней вдоль левого берега, проговорил задумчиво:

— Последние годы доживает... Скоро не будет в этих местах молевого сплава... Да и кратковременный северный завоз отомрет. Когда построят в районе Соликамска Верхнекамский гидроузел, вплоть до Гайн уста-

новятся озерные условия плавания. С мая по октябрь смело ходи тут... Лес по водохранилищу будет сплавляться только в плотках. К тому времени, может быть, полностью — в баржах. Самый удобный способ... Так что, Саня, ты удачно попал...

Осталось позади Керчево. Совсем темно. По лозманской карте справа должен быть красный перевальный, от него судовой ход идет к левому берегу. Проходит десять минут, двадцать. На берегу — до рези в глазах смотрят — ни огонька. Саня скатал руль влево.

— Рано. Надо дожидаться перевального, — заметил Юрий.

Прошли еще немного. Впереди замаячил красный огонек. Одно только сомнение у обоих. Если верить карте, то, судя по времени, давно этот знак миновать должны. Но что оставалось делать? Тут догадки. А там настоящий красный огонь.

— Держи на перевальный.

Минут через пять судно резко замедлило ход, вздрогнуло. Саню бросило грудью на штурвал.

Юрий метнулся к реверсу, перевел его на задний, прибавил оборотов до отказа. С полчаса гоняли воду винтом. Кипит бурун под кормой, а судно ни с места: присосало днище к грунту.

Остановили двигатель. Прибежал на мостик Анатолий. Заругался.

— Как ни хвалим мы с Виктором нашу «четвертинку», а не везет ей. В прошлом году шли уже четвертым рейсом, на Вишеру. И, надо же, залетели на затопленный остров. Был тут у нас один друг, мух ртом ловил... И, ровно нарочно, ни одного большого судна. Пока дождались, вода ушла. Оказались мы на сухом берегу...

Анатолий покачал головой.

— Пришлось трюм разгружать. Вызвали тракторы из леспромхоза. Семь тягачей стянули кое-как...

Включили прожектор. Да что толку! Осветил лишь возле борта. Чуть-чуть заметно, что слева из воды поднялись кусты. Справа неподалеку — высокий берег, где-то лают собаки.

Загremели крышки, забегал по трюмам белый кружок света от карманного фонарика. Юрий проверил оба отсека, нет ли пробоины. Сухо.

Лишь на рассвете, когда осмотрелись, — поняли, в чем дело. Оказывается, красный перевальный прошли, но не заметили: не горел фонарь. А приняли за него один из створных огней Верхнебарановского переката и залетели на приверх правобережных песков в устье речки Гремячевки.

Ушло неведение, но легче не стало. За четыре часа мимо не прошло ни одного судна. А даже по торчащим из воды прутикам видно, что уровень понемногу садится. Ждешь-ждешь — и, как в прошлом году, обсохнешь.

На душе полегчало, когда вдали показалась самоходка. Сомнения не было — это «сотка». Лишь она одна оставалась в Усть-Черной, брала металлолом.

На мостике сам Мешков. Не поймешь: радуется он или непритворно горюет. Он долго крутил головой, оглядывался, словно ожидая еще подмогу, несколько раз прогнал «сотку» возле пострадавшей. Затем осторожно, промеряя с кормы дно наметкой, спятил свое судно. Ребята бросили легкость — оплетенный груз на длинном тонком шнуре. Саня поймал его и вытянул тяжелый металлический трос... Но сколько ни заводили его и с носа и с кормы, СТ-250 не струнули. Видно, крепко присосало днище к илистому дну.

Тогда Мешков развел руками, крикнул в рупор, что придется ждать буксир, если встретит, пошлет, — и по-

гнал свою самоходку вслед за скатывающейся водой. И хотя все знали: он сделал все, что мог, не придерешься, но на душе было обидно и тревожно...

Уж кого-кого, а Левковича Адама здесь никак не ожидали. Саня слышал краем уха, что тот должен был по какому-то специальному заданию сходить рейсом чуть ли не до самого Соликамска, но когда увидел знакомый катер, оторопел.

А там уже дверка рубки распахнулась, и на ходу, еще приближаясь к самоходке, Адам кричал весело:

— Чего лапти сушитё, повесили уши-тё. Пару разиков дернем и — на плаву!

— Больно ты прыткий, Адам, — мрачно ответил Юрий. — Тут один уже пробовал дергать, и двигатель такой же мощности.

Адам понял, что не до шуток, нахмурился. Но через минуту он снова озорно подмигивал и Сане, и Юрию — всем на самоходке.

— Да я сейчас мигом назад в Керчево летаю. Такой же катер пригоню. Свои ребята — сплавщики, неужели не поймут...

Часа через два СТ-250 легко покачивалась на вольной камской волне.

— Эх, можно было бы рядом пройтись, — сокрушался Адам, глянув на часы. — Да спешить мне надо. Не обижайтесь, у меня посудина-то намного ходче.

Катер, подняв бурун за кормой, стремительно рванулся вперед.

Адам долго махал кепкой:

— Три фута под килём! — кричал он Сане, стоявшему за штурвалом, доброе флотское напутствие. — Вернешься на Каму, свидимся!

Катер помаячил впереди и вскоре исчез за поворотом. И опять лишь одиноко постукивал двигатель самоходки, ненадолго распугивая тишину этих малолюдных мест.

С вахты Саня сменился давно, но с палубы не уходил.

Некогда отдыхать. Он уже привык не сидеть без дела. Так уж заведено на самоходке: все работают, не считаясь со временем. Судовое хозяйство приведено в порядок еще не полностью. А сегодня другая забота.

Ночью с левого, лугового берега дул сильный ветер. Он согнал на фарватер аварийный, бросовый лес. От самого Орла самоходке пришлось пробиваться сквозь него, как сквозь лед. То и дело заклинивало рули. Приходилось стопорить ход и вытаскивать багром из-под кормы двух-трехметровые занозы.

Несколько часов дежурил Саня на корме. Только перед Городищем стала почище вода, и он смог подняться на ходовой мостик.

А тут все с интересом смотрят вперед, гадают: она или не она? Прижалось к плотам судно, похожее на «сотку». Подошли ближе. Точно, она!

Ревет сирена. С мостика отмашкой сигналият: дескать, подходите к нам.

Наморщил лоб Анатолий. Нахмурился, привычно дернул кепку на глаза Юрий.

— Вот так randevу, — посмеивается Виктор.

Саня вспомнил, как Мешков в Усть-Черной у себя на «сотке» принимал гостей. Еще утром в латаном-перелатанном ватнике таскал с берега паклю. Раздобыл где-то, все для дома своего. А тут вышел при полном параде: несмотря на жару, в наглухо застегнутом кителе, в фу-

ражке, тяжелой от «золота». Ходил по судну хозяином. Когда спустились в машинное отделение, небрежно представил рослого парня: «А это мой механик...»

Потом ушел с гостями к себе в каюту. Опять, наверное, какое-нибудь дельце. В прошлом году купил тут по дешевке бензопилу «Дружба». А откуда у людей здесь возьмется пила? Ясно: в леспромхозе взята так, чтобы не видел никто.

Сейчас Мешкова на мостике нет. Один штурман. Объясняет, что еще вчера вечером заклинило винт. Сутки загорали, ожидали своих.

Саня насторожился: что ответят свои? Ничего не сказали. Юрий распорядился закрепить с носа и с кормы чалки. Попросил Анатолия проследить за всем и поспешно ушел в каюту.

Все знали, что скорость уменьшится раза в два — значит, вдвое больше времени уйдет на переход Городище — Пермь. Но никто об этом не обмолвился ни словечком. Так и пошли дальше, борт к борту — в обнимку.

Саня хотел найти сочувствие у Анатолия:

— Да таких, как Мешков, в северный завоз вообще пускать не надо, не то что помогать. Оставить его тут, пусть подумает.

— Насчет пускать не пускать, может, и верно. А так-то ты загнул. Мешков Мешковым. А судно его собственное, что ли? А ребята причем? — И посмотрел укоризненно, будто добавил: «Эх ты, несмышлениш...»

Медленно идет самоходка. Со своей низенькой надстройкой она чуть заметна рядом с «соткой».

Еще светло, но видимость плохая. Все вокруг окутала густая серая пелена. Тихо. Виснет в воздухе причудливый след — не тронутый ветром, повторяя повороты судна, тянется змейкой дым из выхлопной трубы.

Тепло. Парит. Низкое солнце безжизненно висит в

пепельной мгле. Несколько маслянистых бликов от него лениво плещутся в близкой воде.

А на самоходке — оживление. Виктор в пролете возле машинного отделения собрал вокруг себя ребят. Балагурит, ручками работает так и сяк. Рассказывают, служил он на флоте гидроакустиком. И вдруг пришло кому-то в голову сделать парня вестовым. Конечно, командир охотника за подлодками выгнал его через несколько дней обратно на гидрост. Понятно, такой и борща из камбуза до каюты не донесет спокойно. Обязательно остановится с кем-нибудь, расскажет байку-другую.

Жестикулирует Виктор занятно. Не вся рука, а лишь кисть движется плавно, лениво. Вот и сейчас он опять травит. До Сани на тент, где он красит наметку, доносится только: «Лично в моем репертуаре этой песни нет...» Саня не видит рассказчика, но он знает, как кисти его рук мягко гнутся к треугольничку полосатого тельника. Возле глаз собираются морщинки. Маленький широкий книзу нос утопает в круглых щеках... Виктор говорит еще что-то, и окружившие его парни дружно хохочут.

Он шутит между делом. Он занят. Ребята с «сотки» принесли машинку для стрижки волос и сейчас ждут своей очереди, чтобы сделать «классную польку». Тут же Юрий. Как всегда, не усидел в каюте. Смеется со всеми.

— А что, мальчики, где сегодня ваш капитан? — с преувеличенным интересом спрашивает Виктор. — Лично я его не вижу. Соскучился...

— Заболел, — понимающе ответил штурман «сотки».

— Заболел? — переспросил недоуменный голос. — Да мы с ним днем на плоту пару бревен распилили...

Все опять захохотали.

Полночь. Сане пришлось подменить приболевшего второго рулевого, и теперь он снова на вахте.

В рубке «сотки» от нечего делать вахтенный негромко включил приемник. Слышен писк морзянки, обрывки чужеземной речи. Потом какая-то мелодия, похоже — восточная: знойная. И гортанный женский голос. О чем-то жалеет, зовет кого-то.

Саня один в темной рубке. В такт мелодии подрагивает штурвал в руках, палуба под ногами. Саня поминутно взглядывает на часы, словно опаздывает на свиданье. Он волнуется даже. Он слушает незнакомую музыку. Ему тоже чуточку грустно.

Сегодня начались особенные сутки. День рождения Лены. Когда она сказала ему об этом еще там, на Весляне, Саня пожалел, что они не смогут быть вместе.

— А знаешь, давай встретимся! — сказала Лена.

Саня удивленно посмотрел на нее.

— Ведь можно быть вместе и на расстоянии...

В неясном рассеянном свете белой ночи глаза Лены озорно блестели. Теперь они казались еще больше, ресницы — еще длиннее.

— Ровно в ноль-тридцать ты мигни три раза отмашкой. Я буду ждать. Я увижу.

Довольная своей выдумкой, Лена засмеялась, крутила окованный латунию штурвал, закружилась по рубке. Потом задумалась и запела о речке Бирюсе...

Может, она уже и забыла об этом? А Саня помнит. Он ждал этот день, этот час. Как хорошо, что он один в рубке.

Ни встречного судна, ни одного движущегося огонька. Только тускло перемигиваются редкие красные и белые буи. Минутная стрелка набежала на цифру шесть. Саня нажал на выключатель. Сухо щелкнуло. Еще и еще раз. Лампа фонаря-отмашки несильная. Но Сане показалось, что отсветы были не только под бор-

том на бугристой волне, но и на кромке низкого неба в том краю, где лежал город. Да разве можно увидеть эту маленькую вспышку среди разлива городских огней. А если сильно захотеть? Если бы мигали ему, Сане, он бы увидел. Ведь сердцем видишь далеко, гораздо дальше, чем глазами...

Вздрагивая в такт двигателю, палуба укачивала Саню. Под эту своеобразную мелодию хорошо петь. Кажется, что не ты подлаживаешь мотив песни к стуку двигателя, а он подстраивается к тебе. Палуба, палуба... Как это поется в той озорной и немножко грустной песенке?..

Ах ты, палуба, палуба,
Ты меня раскачай.
Ты печаль мою, палуба,
Расколи о причал.

Завтра они встанут к причалу под погрузку. Заночуют, наверное, там. Может быть, даже не в Левшино, а в Пермском порту. Тогда Саня обязательно разыщет Лену. Долго ли позвонить в школу...

Нет, едва ли их оставят ночевать. Маленькие суда долго не задерживаются в большом порту. Они очень нужны людям в других местах. Невзрачные грузовые суденышки раньше всех выходят в путь и забираются дальше всех — в самые глухие углы. С малой осадкой, неприхотливые, они больше всего подходят для сложных рейсов. И все их очень ждут. Ведь там, в далеких лесах, они — желанные гости. Они всегда принимают на себя первый удар ледяного весеннего половодья. И люди на них трудолюбивые и смелые. Правда, гуляющая по городской набережной праздная публика не обращает внимания на эти суда. И только потому, что ничего не знает о них.

Саня смотрит на темную воду. На далекие берега. Тишина. Не слышно никого. Даже в соседней рубке

стихла музыка и погас свет. Небо в зените посветлело, прорезались блеклые звезды.

Уже знакомое чувство пришло к Сане. Словно всегда было вот так. Бесконечная вода. Бесконечный мир во круг. И он, сколько помнит себя, все плывет и плывет куда-то.

А ведь это действительно так. Почему же он на время забыл об этом? Плаванье с отцом по Волге мимо разрушенных, опаленных войною городов. Или о том, как тринадцати лет поневоле оказался рулевым. Вел катер с баржой на буксире от Казани до Камского Устья. Один-одинешенек. Потому что все из команды катера вместе с отцом хватили лишку и тяжело посапывали во сне.

Немного лет прошло, а кажется, что было это давным-давно. Но теперь Саня вспомнил тот случай очень отчетливо. И свой пересиленный страх, и непослушный поначалу штурвал.

Так же вот, наверное, вспоминает свои былые плаванья отец. Знать, не зря по весне, опираясь на палку, выходит он на берег. Как он смотрит на самую немудрящую баржонку и как у него тогда дрожат руки!

У Сани руки молодые, крепкие. За рейс они успели загореть, огрубели и стали еще сильнее.

Саня сомкнул их на штурвале и повернул самоходку на сверкнувший впереди створный огонь. Казалось, не двигатель, а он сам, силой своих мускулов толкает судно. Саня невольно напрягся всем телом. Внезапно охватившее его чувство росло и росло. Теперь уже было такое ощущение, словно он несет в своих ладонях что-то большое, невероятно ценное. И нести его предстоит осторожно и далеко-далеко, через все ледовые и неледовые рейсы.

Через всю жизнь.

□ ОГЛАВЛЕНИЕ

Новый рулевой	5
Хлеб и уголь	9
Выход каравана	13
Впервые во льдах	19
Полуночный аврал	25
Романтик Захарыч	30
Короткая передышка	35
Будничный день	41
Испорченный праздник	46
Встреча в Усть-Черной	52
Белая ночь	60
Разгрузка	66
Земля эта — мать или мачеха?	72
Возвращение Адама	77
На мели	85
Плавание продолжается	93

Геннадий Николаевич Солодников

Ледовый рейс

Редактор *А. М. Граевский*
Художественный редактор *М. В. Тарасова*
Технический редактор *Г. В. Пайдушева*.
Корректор *Л. К. Понамарева*

Подписано к печати 26/VII 1965 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 3,125. Бум. л. 1,5625 (усл.-прив.
4,28125). Уч.-изд. 4,17 л.
ЛБ04729 Тираж 30 000 экз. Цена 23 коп.

2-я книжная типография управления по печати.
г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Заказ 1185.